

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

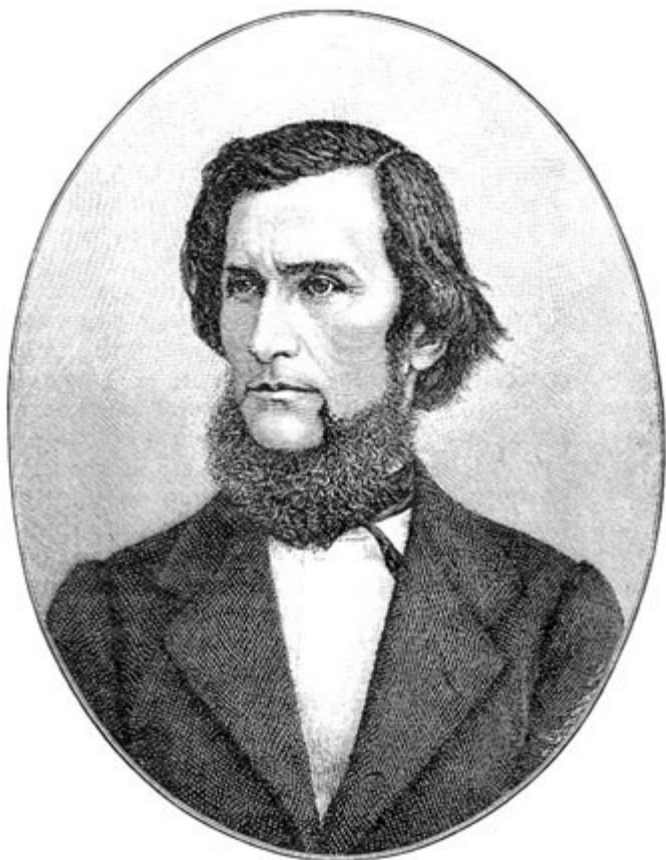
- [Матвей Леонтьевич Песковский](#)
 - [ВСТУПЛЕНИЕ](#)
 - [ГЛАВА I. ОТЦОВСКИЙ ДОМ И ШКОЛА](#)
 - [ГЛАВА II. УНИВЕРСИТЕТ](#)
 - [ГЛАВА III. ПЕРВЫЕ НЕУДАЧИ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ](#)
 - [ГЛАВА IV. НАЧАЛО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. Д. УШИНСКОГО](#)
 - [ГЛАВА V. БЛЕСТЯЩИЙ УСПЕХ И ЖЕСТОКИЙ УДАР](#)
 - [ГЛАВА VI. НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ](#)
 - [ГЛАВА VII. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ](#)
 - [ГЛАВА VIII. СМЕРТЬ И ГРОМКАЯ СЛАВА](#)
 - [ИСТОЧНИКИ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

Матвей Леонтьевич Песковский Константин Ушинский. Его жизнь и педагогическая деятельность

*Биографический очерк М. Л.
Песковского*

*С портретом Ушинского,
гравированным в Лейпциге Геданом*

ВСТУПЛЕНИЕ

В конце 50-х годов у нас, в России, как бы случайно, неожиданно открыли целую область, почти совершенно неведомую раньше, или, по крайней мере, не обращавшую на себя должного внимания. Область эта – педагогическая, т. е. иначе – все учебно-воспитательное дело. Виновником такого открытия был Константин Дмитриевич Ушинский. Конечно, и до 50-х годов были в России школы всевозможных категорий – низшие, средние и высшие, в которых из года в год обучались, в общей сложности, десятки тысяч мальчиков и девочек. Но, строго говоря, в обществе не ощущалось никакого интереса к учебно-воспитательному делу. Чему и как нужно учить подрастающие поколения? Можно ли воспитывать, не обучая, и следует ли обучать, не воспитывая? В чем основная задача и цель воспитания? Эти и множество других существенно важных вопросов казались тогдашнему русскому обществу таким же сторонним, далеким и чуждым делом, как и все то, что творилось в канцеляриях, управлениях, консисториях.

В то время в Западной Европе педагогика имела уже значительное развитие, представляя собою достаточно оформившуюся специальность, занимавшую самостоятельное и почетное место в ряду других специальностей. В организации учебно-воспитательного дела, в установлении учебных курсов, программ, планов преподавания и в выполнении их, а также в инструкциях и правилах, касающихся собственно воспитания, – признавалось обязательным сообразоваться не с одними только правительственными желаниями, предположениями и предназначениями, но также и с теми требованиями, какие предъявлялись педагогикой как самостоятельной, специальной отраслью знания, пользовавшейся авторитетом наравне с высшими науками.

Совсем иное было в России в указанную эпоху. В одном и том же ведомстве невозможно было найти двух таких заведений, преследующих совершенно тождественные цели, которые походили бы друг на друга по способу выполнения учебных программ и воспитательным приемам. Даже в одном и том же заведении едва ли можно было встретить двух лиц педагогического персонала, согласных между собою относительно способов обучения, а также и других частных учебно-воспитательного дела.

Такая разладица и рознь объясняются отсутствием в ту пору даже понятия о том, что в учебно-воспитательном деле, в каких бы разнообразных формах оно ни проявлялось, должен быть один обязательный для всех критерий – психология учащихся, с которою необходимо сообразоваться и при установлении учебного курса и плана каждого предмета, и в способе преподавания, и в воздействии на умственные способности и нравственное чувство обучаемых. Вместо специальной педагогической подготовки признавалось достаточным наличие личного опыта, навыка обучающихся, без всякой руководящей идеи в ответственном деле воспитания и обучения, – без знакомства с основами этого дела.

Не отрицая, что и в указанную эпоху, в виде исключения, встречались между деятелями по учебно-воспитательной части лица глубоко образованные, горячо преданные делу и оказывавшие благотворнейшее влияние в умственном и нравственном отношении на воспитываемые ими поколения, – в общем, однако, все наше учебно-воспитательное дело представляло из себя анахронизм, учебные программы и руководства отличались бессодержательнейшей схоластикой. Прохождение программ держалось на зубристике. В обращении с учащимися царила жестокость. Время учения было временем

безутешного горя для детей, особенно же в младших классах.

К. Д. Ушинский рядом горячих, дельных статей, помещенных им в разных периодических изданиях, заставил всю русскую печать обратить серьезное внимание на положение родного нашего учебно-воспитательного дела. В обществе проснулся наконец хоть некоторый интерес к нему, – и в этом страшно застоявшемся деле проявилась живая струя.

Так произошло открытие неведомой раньше у нас педагогической области. Открыв ее, К. Д. Ушинский около 15 лет руководил и самую разработкою этой области. В это именно время и были посеяны на Руси все те здравые понятия, которыми до сих пор живет и держится вся наша учебно-воспитательная часть, продолжая, хоть и очень медленно, развиваться.

Прошло уже более двадцати лет со времени смерти Ушинского. За это время произошли довольно существенные изменения в “живой струе” – и в степени энергии ее, и в направлении. Вместо цельного, мощного потока, – как можно назвать педагогическое движение в России, пока жил Ушинский и в первые годы после его смерти, – мы видим множество мелких русл, не всегда даже согласующихся в своем направлении с основным потоком. Но в общем, однако, движение не прекращается.

О характере же этого движения с наибольшей правильностью можно судить по нашей довольно обширной педагогической литературе, сущность которой такова, что в отношении к ней с полным правом можно повторить следующие слова известного немецкого педагога Дистервега, сказанные им более 40 лет тому назад:

“Посмотрите на большую часть сочинений, написанных учителями и для учителей! Наполняется ли, согревается ли чье-нибудь сердце при этом обзоре? Кто может извлечь из него силу для своей мысли, одушевление для важного подвига? Найдет ли кто-нибудь в них дыхание жизни, самостоятельный образ мыслей и энергию? Переходят ли их мнения в убеждения, убеждения в дела, и вытекают ли их воззрения из фактов? Это по большей части холодные, бессмысленные груды печатной бумаги, – и слог такой, что нечему удивляться, если люди, которые живут и черпают жизнь из свежих источников живой литературы, видят в учителях заживо похороненных людей, осужденных питаться такими продуктами, которые ни для кого более не пригодны”.

И если в наших педагогических сумерках чувствуется проблеск живой мысли, общественного интереса к делу воспитания и стремлений хотя бы к некоторым улучшениям в нем, – этим мы обязаны Ушинскому. Он из-за гроба продолжает

учить нас и долго еще будет поучать.

Константин Дмитриевич, бесспорно, принадлежит к числу первоклассных педагогических деятелей не в русском только, но и в общеевропейском смысле. Если заграничные педагоги почти совсем не знакомы с деятельностью Ушинского, то именно потому, что, к несчастью, и у нас не настало еще время для полной, всесторонней оценки значения педагогической деятельности Ушинского, в связи с обстоятельствами и условиями положения школьного дела в России, а также – и разными другими делами внутренней нашей жизни.

ГЛАВА I. ОТЦОВСКИЙ ДОМ И ШКОЛА

Известность К. Д. Ушинского и неразработанность литературы о нем. – Жизнь в доме родителей до и после смерти матери. – Новгород-северская гимназия; ее хорошие и неудовлетворительные стороны. – Самостоятельная работа юного Ушинского над собственным развитием и условия, благоприятствовавшие этому

Имя Константина Дмитриевича Ушинского хорошо известно не только всей образованной России, но даже и всем мало-мальски грамотным русским людям. Между тем обстоятельства жизни этого великого русского деятеля, оказавшего незабвенную услугу всему нашему школьному делу, еще не стали известными с той полнотою, какой требует самый характер его деятельности и ее значение не только для настоящего времени, но и для отдаленных русских поколений.

До сих пор, например, остаются в полной неизвестности заметки, помещенные Ушинским в разных периодических изданиях, преимущественно в газетах, без его подписи. После его смерти осталось много рукописей и корректурных оттисков статей, не вышедших в свет; но этот интересный материал еще не собран, не обработан. Точно так же не собраны, не прокомментированы и письма покойного к разным выдающимся педагогическим деятелям, русским и иностранным. Это – непростительное нерадение со стороны русского общества, столь многим обязанного К. Д. Ушинскому, создавшему разумную русскую школу. Чтобы загладить этот тяжкий грех, необходимо устроить особый музей, специально посвященный К. Д. Ушинскому. В нем должны быть собраны все его руководства во всех видах изданий; все, что вышло из-под его пера, в виде окончанных или неоконченных статей и писем; все, что написано об Ушинском и появилось о нем в печати впоследствии, а также его портреты, фотографии и прочее. С осуществлением этого полезного дела необходимо поторопиться, пока живы еще хоть некоторые из тех, с кем Ушинскому приходилось работать, пока не изгладились еще следы тех изданий, в которых он принимал более или менее деятельное участие или же просто помещал статьи, отвечающие минутным интересам. Конечно, такому музею лучше всего быть в Петербурге как месте полного расцвета педагогической деятельности Ушинского. Началом для музея

могло бы послужить то немногое, что имеется в библиотеке столичной училищной комиссии. Понятно, это – лишь зародыш музея; но важно положить почин – и за продолжением остановки не будет. Музей ушинского будет вместе с тем и музеем новейшей истории педагогического дела в России. Потребность же в этом учреждении очень велика, и на нее, без сомнения, откликнутся все, кому дороги судьбы родного воспитания и обучения. Приступая к характеристике К. Д. Ушинского, считаем не лишним заметить, что, помимо материалов, указанных в качестве источников, нам помогало в этом случае также и некоторое личное знакомство с покойным. В конце 60-х годов пишущему эти строки случалось неоднократно встречаться с Ушинским в редакции “Голоса”, у барона М. О. Косинского, а также и в С.-Петербургском педагогическом обществе, одним из самых деятельных членов которого был Константин Дмитриевич.

Константин Дмитриевич Ушинский происходил из малороссийских дворян древнего рода. Отец его, Дмитрий Григорьевич, был человек образованный для своего времени; он окончил курс в Московском университетском благородном пансионе, т. е. лучшем по тому времени среднем учебном заведении в России. Сначала находился на военной службе и принимал участие в войне 1812 года. Потом вышел в отставку, поселился в Новгород-Северске Черниговской губернии и зажил мирной обывательской жизнью, вступив в брак с дочерью местного капиталиста, урожденной Капнист.

От этого брака в 1824 году родился Константин Дмитриевич. Ласково приняла его жизнь. Ни строгих взысканий, ни домашних дразг, ни нужды не испытал он в детстве. Невелико было состояние его отца, заключавшееся в сотне десятин земли и 30 крепостных; тем не менее, он был самым видным лицом среди новгород-северских дворян как по уровню образования, так и по складу домашней жизни. Об этом, между прочим, можно судить уже по тому, что у него была хорошая библиотека, им самим составленная.

Усадьба Дмитрия Григорьевича примыкала к городской черте. Дом его, устроенный на широкую барскую ногу, находился на окраине города, на высоком берегу Десны, откуда открывалась роскошная панорама на много верст кругом. Привольно размещалась там барская усадьба с ее разнообразными постройками, большим двором и прекрасным фруктовым садом.

Особенно счастливо провел маленький Ушинский первые одиннадцать лет своего детства, пока была жива его мать. О ней он сохранил на всю свою жизнь трогательно-нежные воспоминания. Есть полное основание полагать, что мать сама

руководила первоначальными его занятиями и сумела вложить при этом в сына замечательно прочные задатки именно воспитывающего обучения, дав ему прекрасное направление в этом отношении, пробудив в нем любознательность и пытливость, любовь к чтению. Библиотека же отца представляла широкую возможность для этого, и любознательный мальчик с малых лет свободно пользовался ею. О влиянии матери его как воспитательницы можно судить, между прочим, и по той высокой и почетной роли, которую впоследствии отводил Ушинский женщине вообще и матери в особенности как учительнице детей.

Отец Ушинского, овдовев в 1835 году, вступил во второй брак с урожденною Гербель, сестрою генерала Гербеля, управлявшего Шостенским пороховым заводом.

Это еще более расширило и без того довольно значительные родственные связи Дмитрия Григорьевича. В 1840 году он занял должность уездного судьи в Новгород-Северске и пользовался среди местного населения большим уважением как человек умный, неліцеприятный, бескорыстный.

Как ни значительна была перемена, происшедшая в семье маленького Ушинского, она, однако, не отразилась на нем неблагоприятными последствиями. Вскоре после смерти матери он поступил в новгород-северскую гимназию и был так удовлетворительно подготовлен, что выдержал экзамен прямо в третий класс. Судя по той горячей любви, с которою Ушинского вспоминал всегда о своей семье, судя по его вере в благотворное влияние ее на ребенка, – можно с уверенностью сказать, что в лице мачехи он нашел друга, заменившего ему мать. Тот идиллический взгляд на семью, который Ушинский сохранил до смерти, несомненно был почерпнут им в своей родной семье.

Отцовский хутор и гимназия находились на противоположных концах Новгород-Северска; их отделяло расстояние не менее четырех верст. Но, с первых же дней поступления в гимназию и до окончания ее, Ушинский обязательно пешком совершал этот путь, в общей сложности около восьми верст. Ему чрезвычайно нравилась дорога по крутому, живописному берегу Десны, через громадный овраг, отделявший хутор от города. Отправляясь в гимназию, он обыкновенно так торопился, что не всегда даже успевал напиться дома чаю и закусить. Наоборот, если непогода, распутица, жестокий холод или другие какие-либо обстоятельства удерживали его в городе на несколько суток, – он до слез тосковал о своем хуторе.

Любил также Ушинский и свою гимназию, любил товарищей. В третьем классе, куда поступил одиннадцатилетний Костя, как

на подбор были великовозрастные ученики, притом преимущественно из среды малосостоятельной, не дворянского происхождения. Это, однако, не помешало мальчику-Ушинскому сблизиться со своими товарищами, бывшими уже в юношеском возрасте. Вскоре он так полюбил их, что за удовольствие считал бывать у них. Если ему случалось не успеть дома позавтракать, – он забегал по пути к своим беднякам-товарищам, радушно делившим с ним свою скудную хлеб-соль. Бедная обстановка в семьях большинства товарищей, их скудный образ жизни, их воззрения и привычки были своего рода новой школой для Ушинского. И эти уроки оченьгодились ему впоследствии, в пору студенчества.

С точки зрения нынешнего педантичного педагогического шаблона, направленного на то, чтобы взвесить, измерить и высчитать каждый шаг, каждое движение учащегося, – можно прийти в ужас от тех порядков, которые царили в новгород-северской гимназии. Между тем по тогдашнему времени гимназия эта считалась одною из лучших, да и в действительности была не слишком дурна, если судить о ней не по внешним только признакам, а по окончательным результатам гимназического образования, – по тому направлению и нравственной закваске, которую она давала своим питомцам.

Сначала – о внешней стороне гимназической жизни.

В новгород-северской гимназии, когда обучался в ней Ушинский, не было даже намека на то, что называется воспитательной частью, воспитательным дозором. Интерната при гимназии не существовало. Учащиеся, в количестве около 400 человек, жили в городе, где кто желал. Находясь под некоторым надзором в стенах гимназии, во время уроков, учащиеся вне гимназии были вполне предоставлены самим себе. Это давало широкий простор тому, что называется “школьничаньем”, которое принимало иногда и не совсем симпатичный характер.

По соседству, например, с гимназией был большой фруктовый сад. Забираясь туда целыми толпами, гимназисты производили порою в нем большие опустошения. Когда же разливались по соседству с монастырем большие лужи, гимназисты устраивали на них целые флотилии, сооружая плоты из досок монастырской ограды. Словом, соседство гимназии с мирной монашеской обителью было во всех отношениях неудобно для последней, и монашествующей братии частенько приходилось быть в неприязненных отношениях с шаловливыми и свободолюбивыми школярами.

Ученики постарше – и классами, и годами – имели иного рода развлечения. Их любимым притоном была слободка,

находившаяся в близком соседстве с монастырем, славившаяся веселыми нравами обитателей и не особенной строгостью поведения обитательниц. С наступлением же весны и во все время, пока не замирала природа, гимназисты в свободное время привольно рассыпались на свободе по окрестностям Новгород-Северска, изрытым громадными, причудливыми рвами, где было множество ягод, особенно же – земляники. Здесь устраивались иногда и довольно нескромные пирушки, преподавались новичкам-гимназистам довольно-таки пагубные приятельские уроки.

Все это были, однако, не более как шалости, довольно опасного, пожалуй, свойства, и неразумные увлечения молодости, не переходившие, впрочем, в порочность. Помню, как после одного из заседаний С.-Петербургского педагогического общества, в котором много говорилось о школьной дисциплине, К. Д. Ушинский, как бы продолжая спор в небольшом кружке лиц, вспоминал приволье и свободу своей школьной поры и в положительной форме заявил, что за все время его учения в гимназии он не помнит чего-нибудь позорного, бесчестного и преступного со стороны учащихся. Это объясняется, с одной стороны, известного рода традициями в самой среде учащихся, что можно и чего нельзя в известном возрасте; с другой же стороны, – контролем за учащимися со стороны самого городского общества. Пренебрегая шалостями, глядя на них, как говорится, сквозь пальцы, местное общество, точнее – те семьи, которым сдавали родители своих детей, – были, в общем, недурными “дозорцами” за их нравственностью в серьезном смысле слова: умели сдерживать юнцов, если шалости грозили принять явно дурной оборот.

Ушинский, сопоставляя впоследствии свою новгород-северскую гимназию, в которой он учился, со многими другими учебными заведениями в столицах и в провинции, так между прочим говорит в одной из неизданных еще рукописей: “В иных огромных детских казармах, где все так вылакировано, вычищено, все блестит и сверкает, все хвастливо кидается в глаза своим порядком, где дети находятся ежеминутно под бдительным надзором неусыпных начальников, украшенных за свою бдительность всеми возможными отличиями, заводятся между детьми те же пороки, которые водились и между нами в бедных лачугах Новгород-Северска; только эти пороки принимают здесь еще более характер повальных болезней, тщательно скрываемых, но не исправляемых начальством”.

Будучи взрослым уже человеком и окончательно специализировавшись на учебно-воспитательной деятельности,

Ушинский, хорошо сознавая все недостатки своей новгород-северской гимназии, тем не менее высоко ставил ее и уважал. И на то были весьма серьезные причины.

Во главе этой гимназии стоял небезызвестный в свое время в ученом мире отставной старик-профессор Илья Федорович Тимковский. Это был педагог по призванию. С искренней любовью и уважением к науке он хранил в душе своей истинно юношеский жар и чистые, нелицемерные религиозные убеждения. Он был безусловно первым лицом в гимназии не только по своему директорскому рангу и положению, но еще более по нравственному влиянию на учащихся.

Переходя от Библии к Горацию и Вергилию, от великопостных молитв к цитатам из Цицерона и Тацита, старик умел, тем не менее, внушить своим питомцам благоговейное уважение к науке. И учителя, и ученики, проявлявшие особенную любовь к науке, пользовались уважением всей гимназии, всех ее классов – от старших до самых младших.

В общем, однако, гимназия не могла, даже и при лучшем желании учителей, дать своим питомцам сколько-нибудь солидных знаний. Для этого не имелось тогда необходимых средств: ни учебных руководств и пособий, ни соответствующих дидактических приемов. Сущность гимназического образования ограничивалась, главным образом, нравственным воздействием на учащихся, пробуждением в них сознательной потребности самообучения, любви к науке и стремления к учению. Достигалось это тем, что то небольшое, которое учащиеся узнавали из разных областей науки, усваивалось ими прочно, с любовью и уважением, – не памятью только и холодным рассудком, но и сердцем. В этом именно и заключается одна из тайн воспитывающего влияния обучения, чем прославились некоторые из прежних школ, правда, весьма немногие, в том числе и новгород-северская гимназия во время управления ею Тимковским.

Ушинский, с горячей признательностью вспоминавший всегда о своем старике-директоре Тимковском, много рассказывавший о нем как о замечательном по своему нравственному влиянию педагоге, в одном из писем своих говорит так: “Мир праху твоему, почтенный старец! Твоим нелицемерным, продолжавшимся до гроба служением науке, твоим благоговейным уважением к ней и твоею постоянною верою в другую, гораздо более высшую святыню ты посеял в сердцах своих воспитанников такие семена, которые да поможет нам Бог передать своим детям и воспитанникам”.

Оценивая же общее воспитательное влияние и

образовательное значение новгород-северской гимназии, по сравнению с теми многочисленными, благоустроенными по общепринятому понятию, учебными заведениями, с которыми пришлось Ушинскому ознакомиться впоследствии, он высказывается в той же неизданной его рукописи, на которую мы ссылались уже выше, так:

“Случалось мне видеть и такие заведения, где, несмотря на собрание лучших столичных преподавателей, презрение к науке было предметом хвастливости для воспитанников; и такие, где пятнадцатилетний мальчик уже видит за учебником истории или географии класс, чин, место и рассчитывает свое прилежание по выгодам будущей службы; и такие, где мальчики, еще плохо читающие по-русски, уже с математическою точностью, сделавшею бы честь любому воеводе передового полка, считаются чинами и породю своих батюшек, дядюшек и тетюшек, и где один воспитанник подает другому руку после глубоких соображений. Когда мне встречались молодые люди, кончившие курс в каком-нибудь значительном учебном заведении, кончившие с отличием, но у которых не было не только ни одной самостоятельной научной мысли, не только ни малейшей любви к какой-нибудь науке, но которые презрительно отзывались о своей учебной жизни, о своих профессорах и даже вообще об учености, ученых и науке как предметах необходимых в неизбежной комедии детства, но вовсе излишних и даже неприличных в практической жизни; когда мне попадались безбородые юноши, еще не совсем твердо знающие, в каком веке жил Карл Великий, но уже кощунствующие над святыней отчизны... о! тогда я оценил по достоинству и молитвы покойного Ильи Федоровича, и наше уважение к одам Горация, и нашу любовь к учителю истории, и нашу гордость своими маленькими сведениями, и почтительный страх, который овладевал нами при слове: *университет!* А воля, простор, а природа, прекрасные окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающиеся поля, а розовая весна и золотистая осень – разве не были нашими воспитателями? Зовите меня варваром в педагогике, но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога; что день, проведенный ребенком посреди рощ и полей, когда его головою овладевает какой-то упоительный туман, в теплой влаге которого раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и бессознательно впитывать в себя мысли и зародыши мыслей, потоком льющиеся из природы, – что такой день стоит многих недель, проведенных на учебной скамье. Толстые каменные стены

учебных заведений больших городов, детские кровати, поставленные необозримыми рядами, жизнь по колокольчику или барабану, толстый швейцар у дверей, этот неумолимый цербер детского ада, вокруг камень и железо, железо и камень, не только без малейшего обрывка зелени, но даже без куска земли наверху – кусок вечно закрытого неба, внутри – то гробовое молчание, то официальный гул, в котором исчезает всякая личность, повсюду сердитые аргусовские глаза купленного надзора, повсюду форма и чинность, вечная чистка и лакировка, – все это веет на меня какой-то безысходной тоской, какой-то мучительной бессмыслицей; я бы, кажется, не прожил и месяца такую жизнью”.

Короче сказать, детство и юность Ушинского прошли при условиях, благоприятствовавших свободному, разностороннему развитию душевных его сил. Захолустная новгород-северская гимназия, в которой он учился, с ее привольем и свободой – этими великими двигателями воспитания, – как нельзя более способствовала упрочению и развитию здоровых задатков его первоначального домашнего воспитания.

Не отличаясь особенным прилежанием и блестящими успехами в гимназических предметах, Ушинский, однако, знал все то, что проходило в гимназии, и успешно переходил из класса в класс. Обладая большими способностями, он слишком мало тратил времени на приготовление уроков, нередко просто довольствовался прочтением заданного в классе уже перед уроком. Все же свободное время посвящал чтению и прогулкам.

Помимо директора гимназии Тимковского, немаловажное влияние имел на развитие Ушинского также и учитель истории, пользовавшийся большим уважением учащихся. Читая без разбора все, что подвертывалось под руку в отцовской и гимназической библиотеке, юный Ушинский, тем не менее, как бы незаметно даже для самого себя уделял больше внимания сочинениям исторического характера и путешествиям. Беспрерывное чтение вызывало у него усиленную душевную работу, так что с годами он начал заметно уединяться, совершая отдаленные прогулки или шагая из угла в угол в гимназии, погруженный в размышления. Об этих моментах уединения, главным образом на лоне природы, на любимых кручах берега Десны, Ушинский между прочим сам говорит:

“Боже мой, сколько перемечталось на этом прекрасном берегу, на этих “кручах”, нависших над рекою. Как оживлялась и наполнялась впечатлениями жизнь моя, когда приближалась весна! Я следил за каждым ее шагом, за каждой малейшей переменой в борьбе зимы и лета. Тающий снег, чернеющий лед реки, расширяющиеся полыньи у берега, проталины в саду, земля,

проглядывающая там и сям из-под снега, прилет птиц, оживающий лес, шумно бегущие с гор ручьи – все было предметом моего страстного, недремлющего внимания, и “впечатления бытия” до того переполняли мою душу, что я ходил, как полупьяный. Вот и снегу нет более, и неприятная нагота деревьев в саду заменилась со всех сторон манящими, таинственными зелеными глубинами; вот и вишни брызнули молоком цветов, зарозовели яблони, каштан поднял и распустил свои красивые султаны, и я бежал каждый раз из гимназии домой, как будто меня ждало там и невесть какое сокровище. И в самом деле, разве я не был страшным богачом, миллионером в сравнении с детьми, запертыми в душных стенах столичного пансиона. Какие впечатления могут быть даны им взамен этих живых, сильных, воспитывающих пушу впечатлений природы? После уже будет поздно пользоваться ими, когда сердце утратит свою детскую мягкость, а рассудок станет между человеком и природой”.

Основываясь преимущественно на этих словах Ушинского, некоторые из его биографов приписывают ему особенную склонность к мечтательности и беспечность в пору гимназической жизни. Но это совершенно неверно.

Мечтательность расслабляет душевные силы, истощает их, развивает апатию и лень. Ушинский же был всегда деятелен, подвижен, даже в отроческом и детском возрасте. Каждый повинен в мечтаниях в пору первого расцвета юности. Отдал им дань, конечно, и Ушинский, но именно в смысле поэтической восторженности и идеализации, – что составляет лучшее украшение юности и без чего юность хуже старости.

Хотя он и говорит, что ему много пришлось “перемечтать” на кручах заветного берега Десны, под влиянием восхитительных красот природы, но, в сущности, это были совсем не мечты в общепринятом смысле, а живая, полезная, производительная работа юной души, только что начинавшей формироваться мысли. Крайне восприимчивый к впечатлениям окружающей природы, жадно искавший нового и нового в чтении, он все это самостоятельно перерабатывал в себе самом, без всяких посторонних указаний и руководства, вырабатывая нечто свое, что можно до некоторой степени назвать *мировоззрением*. Несомненно, что в нем было много ошибочного, детского, но во всяком случае это была не праздная мечта и соблазнительная греза, а положительная, производительная работа молодого ума, юной души, – полезная гимнастика душевных сил. Чуждая мечтательности в общепринятом значении этого слова, самодеятельность юного Ушинского, наоборот, была проникнута

самым чистым и возвышенным идеализмом, уцелевшим в нем во всю последующую жизнь.

Эта самостоятельная духовная жизнь Ушинского шла, можно сказать, совершенно особняком от собственно гимназической работы. Но это объясняется вовсе не беспечностью его в подходе к гимназическим занятиям, а сильным увлечением самостоятельной работой над собственным развитием. Впоследствии прохождение университетского курса доказало, что работа эта была удачна. Насколько же она была упорна, можно судить, между прочим, по следующему факту. Желая расширить сферу доступного ему чтения, Ушинский, будучи еще гимназистом, настолько изучил, без посторонней помощи, немецкий язык, что стал читать Шиллера. Это свидетельствует о любви к труду и умении быть упорным в нем.

В своем увлечении самостоятельной работой над самим собою Ушинский зашел, однако, так далеко, что, даже несмотря на блестящие способности, не выдержал выпускного гимназического экзамена и не получил аттестата. Но гимназия, обделившая его аттестатом, снабдила кой-чем поважнее всяких аттестатов. Она дала ему истинную зрелость ума и воли, сберегла его энергию и силы, развила в нем веру в самого себя, любовь и способность преодолевать препятствия. Обладая такими задатками, вообще очень важными в жизни и тем более при неудачах, юный Ушинский нисколько не растерялся, получив первый щелчок на пороге выхода из школы в жизнь. Он с жаром принялся за приготовление к вступительному университетскому экзамену, отправился в Москву, успешно выдержал экзамен и в 1840 году, т. е. одновременно с бывшими своими гимназическими товарищами, был зачислен в число студентов Московского университета, на юридический факультет.

ГЛАВА II. УНИВЕРСИТЕТ

Особенность 40-х годов и состояние в то время Московского университета. – Увлечение учащихся и учащихся наукой; положение и роль Ушинского в студенческой среде. – Наиболее благотворное влияние профессоров П. Г. Редкина и Грановского; ранняя, но прочная зрелость Ушинского в умственном и нравственном отношении, под влиянием особенно благоприятных условий

Прохождение Ушинским университетского курса совпало с одним из наиболее благоприятных моментов умственного движения в России. Начало 40-х годов – время первого пробуждения политического сознания, по крайней мере, в передовой части русского общества. С началом же 40-х годов совпадает большой переворот в нашей литературе: с этого момента ведет свое начало новейшая русская литература. В печати и передовых общественных кружках обнаружилась лихорадочная потребность в философско-научном анализе. Под влиянием этого началась весьма энергичная переработка всех идеалов, проявилось сильное стремление отрешиться от тех бесформенных, романтических иллюзий, которыми жили люди 30-х годов. Обнаружилось горячее, искреннее увлечение идеями народного блага; началось раскаяние в вековых неправдах, лежавших на совести русских людей. Все это движение можно охарактеризовать одним словом – *народность*. Вместо прежних метафизических потемок и романтических мечтаний печать и общество преисполнились заботой и думой о “народе”, “народном благе”, “народных идеалах”. Со страниц русской печати впервые пахло здоровым реализмом, отражением потребностей и нужд русской жизни.

В такую знаменательную эпоху пробуждения русского общественного самосознания выпало на долю Ушинского проходить университетский курс. С истинным благоговением вспоминал он всегда об университетских годах как о лучшей поре в своей жизни, как о моменте духовного своего рождения.

Да и было что вспоминать, было за что хранить признательность. Московский университет в ту пору переживал, можно сказать, самый блестящий период в своей истории. После изменения университетского устава в 30-х годах состав профессоров Московского университета, при энергическом содействии местного попечителя учебного округа, графа С. Г. Строганова, был почти совершенно обновлен, если не считать

нескольких старичков-профессоров, привыкших читать по печатным книгам, которым позволили дотянуть до пенсии. Большая же часть профессоров были люди молодые, воспитанники бывшего профессорского института, недавно возвратившиеся из-за границы (преимущественно из Германии) с большим запасом знаний и прочной философской закваской, с горячей преданностью науке и твердой верой, что счастье на земле может водворить лишь такой универсальный движитель, как наука.

В блестящем составе профессоров Московского университета той поры звездами первой величины были Грановский, профессор истории, и П. Г. Редкий, профессор энциклопедии, законоведения и государственного права. На их лекции стекались обыкновенно студенты всех факультетов, не исключая даже математического и медицинского, где учащиеся бывают наиболее увлечены своей специальностью.

Грановский и Редкий очень удачно дополняли друг друга. Первый, отличавшийся большим мастерством чтения, действовал преимущественно на чувство слушателей, вызывая в них живой интерес к истории, но не пробуждая, однако, особенно усиленной работы ума. Второй же, наоборот, не отличался особенным лекторским дарованием, но увлекал слушателей обширностью и глубиной эрудиции, неумолимою логикой. Слушание его лекций вызывало усиленную работу мысли.

Лекции П. Г. Редкина, кроме того, имели в то время очень важное значение и с точки зрения общего университетского образования. Большую часть своего курса он посвящал критическому очерку истории философии, без знания которой, понятно, университетское образование не может иметь должной глубины, не может быть научно в полном смысле слова. Такая постановка преподавания была тем более кстати, что в университете в то время вовсе не преподавалось философии; даже логика и психология, неудачно пристегнутые к курсу богословия, слишком поверхностно преподавались законоучителем. Таким образом, лекции Редкина были для студентов единственным средством расширить и обобщить свое мировоззрение на философских основаниях. Помимо Грановского и Редкина, большою популярностью среди студентов пользовались также лекции Чивилева, официально считавшегося профессором статистики, но преподававшего, однако, политическую экономию, и лекции профессора Крылова – по римскому праву.

Приняв во внимание общее движение в России и пробуждение русской общественной мысли, нетрудно понять, как сильно должен был завладевать молодежью университет,

особенно же при таком удачном подборе профессоров, как в Московском университете. Вообще говоря, юношество, переступая в то время порог университета, всецело и беззаветно отдавалось чистым интересам науки, с тем благородным, возвышенным идеализмом, который так выгодно отличает эпоху 40-х годов от всего последующего времени.

Такое благотворное, истинно научное влияние университета очень характерно отразилось на юном Ушинском. Та своеобразная система самообразования, которую он проделал над собою в гимназии, та гимнастика ума, к которой он приучил себя, – оказались как нельзя более полезными во время университетского курса. И с первых же прослушанных им лекций, после первых дней пребывания в университете, он развернулся во всю ширь своей богато и разносторонне одаренной натуры.

Как юноша хорошо развитой, он свободно, без всякого затруднения слушал лекции по всем предметам избранного им факультета. Обладая обширной памятью, он легко усваивал не только основную мысль лекций, но и все главнейшие частности. Это на первых же порах резко выделило Ушинского и сделало его до некоторой степени предметом удивления со стороны товарищей.

К лекциям Ушинский относился с большим увлечением. Он сразу почуял в них разумные, доказательные, научные ответы на все те затаенные вопросы, которые давно уже теснились в его пытливом юношеском уме, угнетали его дух, настойчиво требуя разрешения. Никогда не оставаясь в роли пассивного слушателя лекций, Ушинский обыкновенно выходил из аудитории с массой новых ощущений, удовлетворенный или неудовлетворенный прослушанным, с новыми вопросами и меткими замечаниями по поводу прослушанного. Нередко после лекции по тому или другому предмету ему случалось развивать своим товарищам целую теорию, которой им не удалось усвоить в профессорском изложении.

Это естественно сделало его центром кружка товарищей, так же горячо интересовавшихся наукой, как и он. В этой среде он пользовался большою любовью не только за ум, остроту, прямой, открытый характер, но и как идеально хороший товарищ. Придерживаясь преимущественно среды бедных товарищей как наиболее преданных интересам науки, он охотно делился с ними не только своими знаниями, но и последним рублем, последней трубкой табаку.

В то время не было развито дело издания профессорских лекций в виде литографированных записок. Вследствие этого, хотя университетский курс, в общем, был меньше нынешнего,

студентам несравненно больше, чем теперь, приходилось самостоятельно работать. Благодаря этому подъем научного интереса в студенческой среде был очень высок. Это само собою порождало потребность в живом обмене мыслями по вопросам политическим, литературным, нравственным, философским, историческим и прочим. Поэтому сплоченность, солидарность студенческой среды была очень велика.

В Москве в ту пору образовалось даже нечто вроде студенческого клуба. Это – небольшой трактир “Великобритания”, находившийся поблизости от университета. Благодаря главным образом влиянию Белинского, а также и некоторых других крупнейших литературных деятелей того времени, этот эмбрион клуба получил, можно сказать, историко-литературное значение умственного центра московского студенчества 40-х годов. Студент ушинский был очень заметною величиною в этой общестуденческой семье. Его меткие замечания обо всем, что волновало учащуюся молодежь, облетали нередко весь университет. Со свойственною ему прямою и резкостью Ушинский одинаково порицал и тех профессоров, и тех студентов, которые в чем-либо отклонялись от высоких нравственных идеалов, вдохновлявших тогда университетскую молодежь.

Вообще, Ушинский выгодно выделялся в студенческой среде самостоятельностью, независимостью своих воззрений, смелостью открыто высказываемых мнений, идущих вразрез с господствующими взглядами. Так, например, в противоположность весьма распространенному в то время преклонению перед Наполеоном I и Вольтером Ушинский не стеснялся порицать того и другого. Будучи убежденным приверженцем свободы, видя в ней величайшее благо для человечества, Ушинский порицал Наполеона I за его посягательство на политическую свободу, Вольтера же – за его вторжение в область свободы совести. Такое воззрение на этих двух великих исторических деятелей Ушинский сохранил в течение всей своей жизни.

С особенною благодарностью вспоминал Ушинский о П. Г. Редкине и Грановском, под влиянием талантливых лекций которых он увлекся философией и историей, весьма солидно изученными им на студенческой скамье.

Ушинскому, в бытность его студентом, приходилось работать очень много. Помимо увлечения наукою и добросовестного отношения к университетским занятиям, ему нужно было еще бороться с нуждою. В течение почти всего университетского курса он вынужден был давать частные уроки. Состояние его родителей

с каждым годом уменьшалось; деньги высылали из дому неисправно, и, в общем, их было недостаточно даже для самого скромного существования в университете.

Трудовое, независимое существование прибавило энергии юному Ушинскому и послужило прекрасной школой для воспитания в нем твердой воли. Борьба же с нуждой несколько не ослабила его розового поэтического настроения. Серьезно занимаясь наукой, он не забросил и художественной литературы. Рука об руку с наукой шло основательное чтение любимых русских и иностранных писателей: Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Гёте, Гофмана, Жана-Поля Рихтера и некоторых других.

Вместе с тем Ушинский страстно увлекался также и театром, посещение которого считал даже обязательным для себя. Из своего скромного студенческого бюджета он ежемесячно отделял известную сумму на театр, причем, конечно, ему могли быть доступны только самые верхние места.

Московский театр того времени привлекал к себе всеобщее внимание. Это была пора полного расцвета талантов таких даровитых артистов, как Мочалов и Щепкин, приводивших своею правдивою, обдуманною, прочувствованною игрою в благоговейный трепет зрителей. Увлечение Ушинского их замечательною игрою не ограничивалось одним созерцанием ее и восхищением ею, но было несравненно глубже. Под влиянием, главным образом, игры Мочалова он написал, специально для его бенефиса, шестиактную трагедию. Явившись к Мочалову, он прочитал ему несколько действий из своей трагедии. Но тот не признал в ней никаких достоинств.

Ушинский, чрезвычайно огорченный этим приговором, даже как бы разочаровавшийся на некоторое время в Мочалове, тем не менее, подчинился его суду и не предпринимал никаких попыток, чтобы поставить свое произведение на сцене. По-видимому, он бесследно уничтожил свою трагедию и впоследствии вспоминал о ней не иначе как в ироническом тоне.

Но каково бы ни было это его литературное произведение, проявление писательской жилки в юном Ушинском очень характерно, потому что все остальное свое жизненное поприще он прошел с пером в руках, занимая очень видное место в передовой линии лучших литературных русских сил.

Под такими разнообразными и весьма благотворными влияниями прошло студенчество Ушинского. В 1844 году, к двадцати годам жизни, он блестяще окончил университет вторым кандидатом прав. В наше время большинству подрастающих поколений приходится в таком возрасте едва-едва добираться до аттестата зрелости. Ушинский же, несмотря на юный возраст,

представлял собою выработавшуюся, замечательно цельную личность, удачно сформировавшуюся под влиянием благоприятных условий детства и школы, и тем более – университетской науки, разумного товарищества, возвышающей душу поэзии и воспитывающего театра.

ГЛАВА III. ПЕРВЫЕ НЕУДАЧИ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Юный Ушинский как профессор Демидовского лицея; его успех и отставка. – Департаментская служба. – Тяжелые материальные условия и начало литературной деятельности; разнообразный писательский талант. – Благоприятный поворот в жизни К. Д. Ушинского

Несмотря на юношеский возраст Ушинского, юридический факультет Московского университета так блестяще аттестовал своего “второго кандидата” в смысле умственной и нравственной зрелости, что бывший в то время попечителем московского учебного округа граф С. Г. Строганов не задумался пригласить Ушинского на профессорскую кафедру в Ярославский Демидовский лицей. Через два года по окончании университетского курса, т. е. имея от роду лишь около двадцати двух лет, Ушинский занял в лицее, преобразовывавшемся тогда в высшее камеральное училище, кафедру по энциклопедии законоведения, истории законодательств и финансовой науке.

Со всем пылом чистой юношеской души предался юный профессор чтению лекций, к чему почувствовал страстное влечение. Добросовестно готовясь к лекциям, он мастерски излагал их – ясно, с жаром, увлекательно. Вскоре он занял одно из наиболее почетных мест среди других профессоров Ярославского лицея как даровитый лектор, вполне владевший предметом, и пользовался большим расположением и уважением учащихся, оказывая сильное и благотворное влияние на них.

Помимо лекций, популярности его много способствовала также и речь, произнесенная им на торжественном собрании лицея 18 сентября 1848 года “О камеральном образовании”. Эта речь служит, между прочим, прекрасным доказательством, с какой громадной пользой для себя и для других проработал Ушинский четыре года на профессорской кафедре. В ту эпоху необычайно юного положения русской науки и слепого подражания во всем науке заграничной, главным же образом – немецкой, Ушинский выступил вдруг резким порицателем и противником немецкой системы камерального образования. В речи своей он талантливо доказал, что немецкие камералисты очень неудачно смешали науку и искусство; что сочинения их по предметам камерального образования представляют лишь сборники разных советов и указаний по разным отраслям

промышленности. Отвергнув немецкую систему как рецептурную, но вовсе не научную, Ушинский предложил свою собственную. По его плану, основой камерального образования должно служить изучение родины в самом широком смысле, а именно: семьи, общества и вообще всей народной хозяйственной деятельности. Кроме того, он указал на необходимость изучения народных юридических понятий в связи с вообще всеми условиями местной жизни.

Программа эта, свидетельствуя о широте и глубине познаний юного еще Ушинского, о самостоятельности и смелости его воззрений, заслуживает тем большего внимания как первый голос в русской науке в пользу экономического и бытового изучения народной жизни, о чем в ту пору никто и думать не мог. И только теперь, спустя более 40 лет после того, как Ушинским впервые было указано на необходимость всестороннего и тщательного местного изучения, оно стало, наконец, предметом лучших общественных и правительственных забот.

Эта речь произвела сильное впечатление и выдвинула Ушинского в ряду его собратьев по науке как человека, имеющего свой самостоятельный взгляд, вдохновленного стремлением приурочить знания прежде всего к делу служения интересам родины, русского народа. “Народность”, впервые начавшая пульсировать в русской литературе – как было уже указано выше – в начале 40-х годов, так характерно проявилась в научных стремлениях Ушинского как профессора, пытавшегося произвести целый переворот в области камерального образования, представлявшего в то время соединение юридических наук с естественными и имевшего большое значение во всей практической деятельности.

В другое время, при иных условиях нашей жизни, речь “О камеральном образовании” должна бы была послужить началом блестящей ученой карьеры Ушинского. Но не таков был 1848 год как начало крайне неблагоприятного поворота для науки, печати, вообще всяких возвышенных порывов и стремлений. Ушинский, однако, как бы совсем не замечал этого. Жадный к труду, воспитавший в себе потребность и умение много и упорно работать, привыкший все перерабатывать самостоятельно, он успел уже, что называется, до корней изучить сочинения Карла Риттера по землевладению, притом усиленно занимаясь и юридическими науками. Как профессор и ученый он окончательно созрел, установился. Но в это-то именно время его подстерегал первый тяжелый удар в жизни.

Начавшийся в 1848 году неблагоприятный поворот в русской жизни добрался, наконец, в 1850 году и до Демидовского лицея,

мирно занимавшегося наукой, и только ею одной, в провинциальной глуши. Стремление все в жизни подвести под шаблонную мерку, высчитать или даже предрешить всякий шаг в деятельности каждого и всех, на всевозможных поприщах общественного служения, – очень тяжело и пагубно отразилось, главным образом, в области ученой деятельности, вызвав невообразимый застой мысли в русском обществе. От преподавателей высшей науки потребовали не только самых полных, подробных программ, с указанием, что и из какого именно сочинения они намерены цитировать, но еще и с распределением всего курса преподавания по дням и часам. Когда на совете преподавателей Демидовского лицея было оглашено такое требование, – это вызвало столкновение ушинского с начальством. Он горячо доказывал, что живое педагогическое дело вообще и тем более ученую деятельность “невозможно связывать такими формальностями”; что каждый преподаватель должен прежде всего сообразоваться со своими слушателями; что предвзятое раздробление “курса на часы” “совершенно убьет живое дело преподавания”.

Такой трезвый взгляд на педагогические обязанности и задачи делает большую честь Ушинскому. Но от него требовали не рассуждения, а беспрекословного исполнения именно того, что должно было “убить живое дело”. Верный принципу, что “на такое убийство не отважится ни один честный преподаватель”, – Ушинский вышел из лицея в 1850 году. Примеру его последовали и некоторые другие преподаватели.

Оставшись без дела и без средств к жизни, Ушинский отправился в Петербург на поиски работы. Не желая покидать педагогической дороги, он усиленно искал в столице хотя бы места уездного учителя. Но напрасно: выход его из лицея служил искусственной преградой к педагогической деятельности. Бывшему профессору, страстному педагогу ничего более не оставалось, как превратиться в чиновника министерства внутренних дел, по департаменту иностранных исповеданий, под ведением графа Д. А. Толстого. Но здесь, на первых же порах службы, острое слово, неосторожно оброненное Ушинским по адресу графа Толстого и быстро облетевшее весь департамент, довольно резко настроило этого последнего против новичка. Это недоброе чувство тяжело отразилось на Ушинском, главным образом, впоследствии, в бытность графа Толстого министром народного просвещения.

Департаментская служба, дававшая всего 400 рублей в год, не могла обеспечить Ушинского, тем более что в это время он был уже женат (на Надежде Семеновне, урожденной Дорошенко,

дочери малороссийского помещика). Пришлось искать других занятий, чему, впрочем, нисколько не препятствовала необременительная департаментская служба. По-прежнему увлекаясь философией и землеведением, Ушинский занялся также и изучением английского языка. Это облегчило ему доступ к журнальной работе в самых разнообразных ее видах – в качестве критика, компилятора, переводчика и проч. С 1852 года Ушинский начал принимать деятельное участие в “Современнике”, а в 1854 году – и в “Библиотеке для чтения”, издававшейся А. В. Старчевским. Помимо обширных знаний, умения владеть пером и душевного жара, которым проникнуты даже и небольшие компилятивные и переводные статьи Ушинского, не говоря уж о критических его статьях (например, “Литературный характер, или История гения, заимствованная из собственных чувств и признаний Дизраэли”, “Современник”, 1853 г., №№ с 5-го по 8-й), он на первых же порах обнаружил и несомненный беллетристический талант. Его рассказ “Поездка на Волхов”, появившийся в 1852 году в “Современнике” (№ 9), был замечен критикой и вызвал похвалу со стороны И. С. Тургенева.

Вообще, за Ушинским довольно скоро упрочилась репутация талантливого и образованного писателя. Помимо разных текущих журнальных работ, он принимал участие и в переводе “Политической экономии” Милля. Но, в общем, журнальная работа вознаграждалась очень скудно, поглощая, однако, много времени. Над составлением срочных журнальных работ (обзоров, хроник, разборов книг и прочего) Ушинскому нередко приходилось проводить ночи напролет, – и это довольно сильно расстроило его здоровье, не отличавшееся особенной крепостью. Ушинский, понимая опасность для себя журнальной работы, стал тяготиться ею, искать выхода.

Случай вывел его на педагогическую дорогу, на которой он и обессмертил свое имя.

Бывший начальник Ушинского по Демидовскому лицу П. В. Голохвастов, назначенный потом директором Гатчинского сиротского института, рекомендовал Ушинского как педагога особенному вниманию почетного опекуна института, графа Ланского, который и лично знал Константина Дмитриевича. В 1855 году последовало назначение Ушинского преподавателем словесности и законоведения в Гатчинский институт, а вскоре затем – и инспектором института, вместо П. С. Гурьева, после выхода его в отставку.

Так окончательно определилась педагогическая специальность Ушинского. В Гатчинском институте, вместе с прочным материальным обеспечением и почетным положением,

Ушинский нашел обширное школьное дело, совершенно своеобразно поставленное, т. е. целую систему школ, начиная с начальных, для маленьких детей, только что принимающихся за грамоту, и кончая высшими классами, с курсом законоведения. Это громадное живое дело не могло не увлечь деятельную, отзывчивую натуру Ушинского, с энтузиазмом принявшегося за изучение педагогической литературы с самых ее корней – от Базедова и Песталоцци до Дистервега и Карла Шмидта.

Но, помимо обширного школьного дела, к которому стал причастен Ушинский, были и другие обстоятельства, способствовавшие страстному, бесповоротному увлечению его педагогической деятельностью. Мы говорим о “бесповоротности”, потому что устройство Ушинского в Гатчинский институт совпало с тем периодом, когда он усиленно думал о возврате на ученую дорогу и на деятельность в Гатчине готов был смотреть как на переходную. Это тем более было возможно, что, по характеру четырехлетней своей журнальной деятельности, он не только не разошелся с чистою наукою, но систематически упрочивался в ней; да, кроме того, и политический горизонт России уже значительно расчистился для продолжения им научной деятельности, без всяких сделок со своею совестью.

ГЛАВА IV. НАЧАЛО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. Д. УШИНСКОГО

Крутой перелом в русском обществе и возбуждение внимания к педагогическим вопросам. – Увлечение Ушинского педагогической деятельностью. – Первые русские педагогические журналы и воздействие Ушинского на русское общество через печать. – Первый опыт составления книги для начального обучения русскому языку

Время выступления Ушинского на педагогическом поприще было началом крутого перелома в русском обществе. Под влиянием унижения и оскорбления неудачами Крымской войны общество с каким-то исступлением занималось беспощадным самообличением, самобичеванием. Но эта добровольная казнь общества, – притом вполне заслуженная предшествовавшей умственной и нравственной летаргией, – не имела ничего общего с малодушием, отчаянием. Общество, огульно, сплошь порицая то, чему оно автоматически прежде поклонялось, рвалось вперед – искало лучшего, стремилось к лучшему, сознавая в себе энергию и силы, чтобы добиться этого лучшего.

В этот момент высокого общественного возбуждения впервые раздался призыв Н. И. Пирогова к делу воспитания и обучения (“Вопросы жизни”, в № 9 “Морского сборника” за 1856 г.). С лихорадочною страстностью набросилось общество на совершенно неведомые ему раньше вопросы учебно-воспитательного свойства, ставшие теперь излюбленными в высшем кругу, в ученых обществах и клубах, в семьях и школах, до приходских училищ включительно. Началась, можно сказать, хаотическая критика всего дела воспитания и обучения во всем его прошлом. Правительство также явно склонялось к полной и коренной реформе в учебно-воспитательном деле и искало людей, способных помочь ему в этом отношении.

Словом, все сознавали, что подрастающие поколения необходимо учить и воспитывать иначе, чем прежде, – все желали этого, все стремились к этому. Но дело, однако, оставалось без движения, потому что не доставало работника, не было на виду исполнителя, могущего выступить в роли новатора, педагога-практика и писателя-теоретика, способного пером расчищать перед собою путь в реформаторской педагогической

деятельности. Очередь была за Ушинским, который в это время в гатчинской тиши упорно, систематически готовился к великой и благотворной роли русского педагога-реформатора.

Еще летом 1855 года, т. е. на первых же порах после устройства Ушинского в Гатчинский институт, редактор “Библиотеки для чтения” Старчевский, отобрав несколько номеров английского журнала “Athenaeum”, в которых были помещены статьи об образовании и воспитании в Америке, послал их Ушинскому в Гатчину, с просьбою как можно скорее перевести для журнала. Статьи эти произвели чрезвычайно сильное впечатление на Ушинского. “Зачем прислали вы мне статьи об американском воспитании? – говорил Ушинский Старчевскому, явившись к нему в каком-то необыкновенном экстазе. – Вращаясь постоянно в училищном кругозоре, ознакомившись поближе с детьми, которых надо развить, учить и воспитывать, я, по прочтении “Athenaeum” а, не мог спать несколько ночей! Статьи произвели страшный переворот в моей голове, в моих понятиях, убеждениях. Они подняли в моем уме целый рой вопросов по воспитанию и образованию; навели меня на многие, совершенно новые, мысли, которые, без этих статей, пожалуй, никогда не пришли бы мне в голову. Я не знаю, что я сделаю, что со мною будет, но я решился посвятить себя с этого дня исключительно педагогическим вопросам”.

Следующее обстоятельство сыграло в этом отношении еще более серьезную роль. Задолго до появления в Гатчинском институте там был инспектором некто Е. О. Гугель. О нем давно уже все забыли, а если и вспоминали, то не иначе как о “чудаке-мечтателе, человеке не в своем уме”, оставившем в наследие институту библиотеку, состоявшую из двух довольно больших шкафов, к которым никто не решался прикоснуться, словно они были зачумленные. Шкафы эти, почерневшие, запыленные, лет 20 стояли запечатанными.

Ушинский попросил отворить их и нашел там замечательно “полное собрание педагогических книг”. Вот что писал он об этой своей находке, сыгравшей в его жизни большую роль.

“Это было в первый раз, что я видел собрание педагогических книг в русском учебном заведении. Этим двум шкафам я обязан в жизни очень, очень многим, и – Боже мой! – от скольких бы грубых ошибок был избавлен я, если бы познакомился с этими двумя шкафами прежде, чем вступил на педагогическое поприще! Человек, заведший эту библиотеку, был необыкновенный у нас человек. Это едва ли не первый наш педагог, который взглянул серьезно на дело воспитания и увлекся им. Но горько же и поплатился он за это увлечение. Покровительствуемый

счастливыми обстоятельствами, он мог несколько лет проводить свои идеи в исполнение; но вдруг обстоятельства изменились, – и бедняк-мечтатель окончил свою жизнь в сумасшедшем доме, бредя детьми, школой, педагогическими идеями. Недаром же после него закрыли и запечатали его опасное наследство. Разбирая эти книги, исписанные по краям одною и тою же мертвою рукою, я думал: лучше было бы, если бы он жил в настоящее время, когда уже научились лучше ценить педагогов и педагогические идеи”.

Но труды несчастного Гугеля не пропали бесследно. Через 20 с лишком лет они нашли талантливого продолжателя в лице К. Д. Ушинского. Заняв место инспектора института, он получил возможность в более широких размерах применять на деле те педагогические принципы, которые занимали его в теории. Деятельность Ушинского в роли администратора-педагога обширного учебного заведения отличается большою энергиею и разумностью. Время инспекторства Ушинского в Гатчинском институте – одна из самых блестящих эпох в истории этого учебного заведения, ярко отмеченная большою упорядоченностью всего учебно-воспитательного дела и успешностью его.

Как ни производительна была деятельность Ушинского по институту, как ни сильно занимала она его, тем не менее, не могла насытить всей его энергии, обнять всей шири педагогических его воззрений и стремлений. Ему тесно было в стенах института. Именно в это время, под напором общественного интереса к делу воспитания и обучения, разом возникли, в 1857 году, два педагогических журнала: “Русский педагогический вестник” Н. А. Вышнеградского и “Журнал для воспитания” А. А. Чумикова. В следующем, 1858, году прибавился еще один дельный педагогический журнал – “Учитель” Паульсона. В одном из этих журналов (“Воспитании” Чумикова) Ушинский начал принимать деятельное участие.

36 лет прошло уже со времени появления в свете одной из первых педагогических статей Ушинского – “О пользе педагогической литературы” (“Воспитание”, 1857 г., т. I), а между тем она настолько сохранила свою свежесть, значение и силу, словно в ней говорится о текущих наших школьных злобах дня.

“Сравните число истинно развитых людей с числом лиц, получивших систематическое воспитание, загляните в училища и сравните число начинающих курс с числом тех, которые оканчивают его, – и вы увидите, как много еще остается сделать воспитанию!” Так, между прочим, определил Ушинский в указанной статье задачу воспитания. Осуществление этой задачи он ставит в непосредственную зависимость от педагогической

литературы.

“Педагогическая литература, – говорит он, – одна только может обновить воспитательную деятельность, придать ей тот смысл и ту занимательность, без которых она скоро делается машинальным препровождением времени, назначенного на уроки. Она одна только может возбудить в обществе внимание к делу воспитания и дать в нем воспитателям то место, которое они должны занимать по важности возлагаемых на них обязанностей. Педагогическая литература устанавливает в обществе, с одной стороны, правильные требования в отношении воспитания, с другой – открывает средства для удовлетворения этих требований”.

Та литература, о которой говорит Ушинский, не имеет ничего общего с “технической” педагогической литературой, которая не может одухотворить дела воспитания, поднять его на степень искусства, придать ему творческую направленность. Без этого же условия педагогическое дело оказывается одним из самых безотраднейших видов ремесленничества, не чуждого даже известной доли вреда для подрастающих поколений, общества и государства. Это прекрасно выражено Ушинским в следующих строках:

“Преподаватель, который только в классах занимается своим делом, а, переходя за порог школы, не встречает ни в обществе, ни в литературе никакого участия к своему занятию, весьма скоро может охладеть к нему. Преподаватель, уединенный в своей тихой, монотонной деятельности, видя, что ни общество, ни литература, занимающаяся даже ассирийскими древностями и этрусскими вазами, не занимаются его скромным делом, должен иметь необыкновенно много нравственной энергии, чтобы не уснуть под убаюкивающее журчанье однообразной учительской жизни. Вопросы науки, литературы, общественной жизни не касаются даже слегка его микроскопической деятельности. Новая повесть, новый водевиль, новая скрипка, даже новая шляпка, – какие это все блестящие явления, в сравнении с крошечными фактами учительской деятельности!.. Новый воспитатель, может быть, и с лучшими намерениями принявшийся за дело, скоро замечает, что вне пределов класса никто им не занимается, и сам мало-помалу привыкает заниматься им только в классе... Скоро он начинает довольствоваться механической рутинной, однажды созданной, часто ложной и почти всегда односторонней. Случается даже иногда, что, закоренев в этой рутине, он начинает с какою-то злобою смотреть на всякую педагогическую книгу, если бы она как-нибудь, сверх всякого ожидания, и попала к нему под руку: он видит в ней дерзкую нарушительницу своего

долголетнего спокойствия”. “Наставническая и воспитательная деятельность, может быть, более чем какая-либо другая нуждается в постоянном одушевлении; а между тем она более чем всякая другая деятельность удалена от взоров общества, результаты ее выказываются не скоро и замечаются не многими, реже всего самым воспитателем; однообразие же ее способно усыпить ум и приучить его к бессознательности”.

В другой статье (“О народности в общественном воспитании”), появившейся также в 1857 году и в том же журнале, Ушинский разъяснил общие исторические основы европейского воспитания, очертил положение учебно-воспитательного дела у всех культурных народов, отметив при этом наиболее характерные особенности его в разных странах. В третьей статье – “Три элемента школы” (“Воспитание”, 1858 г., т. I) – он определил ближайшие задачи русского школьного дела, неразрывность воспитания и обучения, общественное и государственное значение школы.

Мы остановились на этих трех первых крупнейших литературно-педагогических статьях Ушинского, потому что они дают понятие о той почетной роли, которую он сразу занял, став во главе русского педагогического движения со второй половины 50-х годов. Он осмыслил это движение, был истолкователем и руководителем его, дал тон и направление печати и обществу в их стремлении к улучшению, правильнее – пересозданию всего учебно-воспитательного дела в России.

Одно это уже, не говоря о последующих заслугах, в значительной мере оправдывает наименование его “отцом русской педагогики”. Даже теперь, почти в сорокалетней уже дали прошлого, основы учебно-воспитательного дела, заложенные Ушинским, не только не утратили своей новизны, но требуют как можно более частого и настойчивого напоминания о них. Ничто так сильно не мешает у нас успеху школьного дела вообще, как именно забвение тех великих начал, которые так талантливо были сформулированы Ушинским еще в конце 50-х годов, так сильно оживили общество и трезво направили его.

Называть Ушинского “отцом русской педагогики” особенно справедливо потому, что ему первому принадлежит мысль о рациональной русской начальной школе. Еще в конце 50-х годов, когда и помина не было о русской народной школе в нынешнем ее значении, Ушинский занимался уже составлением книги “Детский мир” для первоначального чтения, имея, следовательно, перед собою определенный идеал, которому должно удовлетворять начальное обучение. Таким образом, в Ушинском соединилась деятельность одновременно педагога-практика и

педагога-теоретика – на строго научных, философских основаниях.

ГЛАВА V. БЛЕСТЯЩИЙ УСПЕХ И ЖЕСТОКИЙ УДАР

Назначение К. Д. Ушинского инспектором Смольного института. – Коренное преобразование института. – Педагогический кружок Ушинского и его культурное значение в деле русского воспитания и обучения вообще. – Апогей педагогической славы Ушинского и завистники. – Клеветнический донос и победоносное отражение его. – Уход Ушинского с должности инспектора

Педагогическая и литературная деятельность Ушинского, а также и блестящие успехи руководимого им Гатчинского института обратили на него особенное внимание бывшего тогда министром народного просвещения Норова, по рекомендации известного профессора и академика А. В. Никитенко, преподававшего в Смольном институте. В 1859 году Ушинский, при их энергичном содействии, получил назначение на должность инспектора классов обоих отделений Смольного института – “благородной и неблагородной половин Смольного монастыря”, как называли тогда институт, с бывшим при нем Александровским училищем.

Назначение Ушинского инспектором обширного закрытого женского учебного заведения, в котором обучалось не менее 700 девиц, было вызвано осознанной правительством потребностью реформировать это обширное учебное заведение, в целях расширения умственного развития и образования женщин, сообразно ощущавшимся в то время потребностям. Действительно, Смольный институт представлял какой-то изумительный анахронизм. В самом институте был 9-летний курс учения, при 3 классах; в Александровском же училище при нем – шестилетний курс, с двумя классами. По окончании трехлетнего курса воспитанницы в полном составе переходили в следующий класс, хотя бы между ними были и недостаточно подготовленные, так как нельзя же, в самом деле, оставлять воспитанницу в одном классе на 6 лет, т. е. иначе – увеличивать продолжительность обучения до 12, 15 лет и т. д. Вследствие этого девицы, малоуспевшие в низшем классе, в старшем успевали еще менее и, в конце концов, окончив полный курс учения, выходили из заведения решительно без всяких знаний. Положим, для более слабых, неуспевающих учениц устраивались особые параллельные отделения; но эти отделения, не исправляя малоуспешности,

только прибавляли к ней оскорбление достоинства учащихся. Институт был строго закрытым заведением; учащихся не отпускали к родным не только по большим праздникам, но даже на летние, рождественские и пасхальные каникулы. В течение девятилетнего пребывания в институте они были безусловно оторваны от родных семейств. Время учения их было равносильно заточению, и сравнение института с “монастырем” имело под собой основание.

Так обстояло дело при назначении Ушинского инспектором Смольного института. В ту пору институты были единственными рассадниками среднего образования женщин в России. Маленькие женские духовные училища при женских монастырях, как и пансионы для “благородных девиц”, едва ли можно было принимать в расчет. Те и другие были слишком далеки от типа общеобразовательных заведений: в первых преобладал религиозный и даже монашеский элемент; во вторых дело сводилось к простой дрессировке – обучению танцам, музыке и кое-каким познаниям из новых языков.

Вообще, женщин в то время учили “чему-нибудь и как-нибудь”, но меньше всего – наукам. Во всех частных и казенных учебных заведениях, не исключая, конечно, институтов, методическое, систематическое образование женщин считалось даже вредным для них и в моральном, и в физическом отношении. Западная Европа также не могла дать никаких указаний в отношении организации и постановки образования женщин, потому что оно там было почти на такой же низкой ступени, как и у нас, в России.

Но это нисколько не мешало Ушинскому иметь твердый, ясный, определенный взгляд на задачи и потребности образования и воспитания русских женщин. Взгляд этот проистекал из понимания им важной и ответственной роли женщины как активного члена семьи и общества. Именно поэтому он с восторгом принял предложенный ему пост инспектора Смольного института и с необычайной энергией взялся за коренное преобразование его.

Девятилетний срок учения был сокращен в семилетний, с годичным курсом в каждом классе. Обе половины Смольного института, т. е. “благородная” и “неблагородная”, сравнены в отношении объема учебного курса и продолжительности учения. Самому преподаванию, ведемому прежде формально, отрывочно, поверхностно, придан серьезный и систематический характер. В младших, например, классах введено наглядное обучение, причем родной язык положен в основу образования, не в форме, конечно, отупляющего грамматизма, а как живой предмет,

способствующий разностороннему развитию учащихся. Оживлено преподавание русской и всеобщей истории. Значительное развитие получило преподавание естествознания и географии. Бесцветное преподавание математики, традиционно признававшейся скучным предметом, недоступным для женского ума, впервые было поставлено у нас как одно из самых сильных и могущественных средств для укрепления и развития логического мышления. Безжизненная риторика и пиитика были заменены классными разборами самих художественных произведений, как русских, так и иностранных, и уже на основании таких разборов делались теоретические выводы. В старшем же классе очень видная роль была отведена истории отечественной литературы как особенно благородному предмету в деле развития вообще и облагорожения эстетического чувства в частности. Кроме того, положено было начало особому педагогическому классу, чтобы дать возможность учащимся основательно знакомиться с педагогикой и дидактикой не только в теории, но и на практике. Курс этого класса был двухлетним: первый год – теоретический, второй – для практического преподавания самими ученицами, под руководством учителей, в особо сформированном для того элементарном классе.

Короче сказать, от прежнего безжизненного, бессодержательного Смольного института осталось лишь одно название: его заменило живое, осмысленное учебное заведение, с кипучею образовательно-воспитательною деятельностью.

Имея лишь санкцию начальства на реформирование учебно-воспитательной части института в известном направлении, Ушинский не мог иметь никаких детальных указаний, так как в ту пору вообще разработка учебных программ, а тем более в отношении совсем не существовавших еще женских средних общеобразовательных заведений, была делом непочатым. Таким образом, Ушинскому пришлось быть инициатором как общей программы преподавания, так и распределения предметов по классам. И это было сделано так умело, предусмотрительно, что выработанная им общая программа и распределение предметов по классам и до сих пор остаются, в основных чертах, во всех женских средних учебных заведениях.

Поэтому К. Д. Ушинского вместе с Н. А. Вышнеградским, осуществившим около того же времени *великий проект* учреждения женских гимназий, вполне справедливо можно назвать основателями нынешнего среднего образования русских женщин. В этом отношении Россия опередила было Западную Европу почти на четверть века, но в настоящее время – увы! – далеко отстала от нее в деле развития и распространения

систематического общего среднего образования среди женского населения.

Пересоздание института, или иначе – организация совсем новой системы образования женщин, на неведомых раньше основаниях, было выполнено Ушинским в трехлетний срок. Инициатором, душой и творцом этой важной работы был Ушинский, беззаветно отдавшийся новому делу, понимая выдающееся государственное его значение в дальнейшей судьбе просвещения русских женщин. Тем не менее, замечательному успеху работы чрезвычайно благоприятствовала особенность той эпохи, отличавшейся удивительной чуткостью, отзывчивостью общества ко всему новому, живому, разумному и полезному, моментально выделявшему из своей среды сведущих, даровитых, преданных делу исполнителей. Раз только являлась светлая, здравая идея, – она немедленно находила умелых исполнителей. И чем выше была идея, тем самоотверженнее исполнители.

Такие именно исполнители и окружали К. Д. Ушинского. Уже в 1860 году, т. е. через год после появления его в Смольном институте, когда успел определиться характер предпринятых им реформ, около Ушинского сгруппировался кружок молодых педагогов, имена которых пользуются в настоящее время общей известностью. В состав этого кружка входили: В. О. Буссе, В. И. Водовозов, священник Головин, Дестунис, барон М. О. Косинский, Лемеки, В. И. Лядов, Массон, О. Ф. Миллер, Л. Н. Модзалевский, А. И. Павловский, Я. И. Пугачевский, Раевский, М. И. Семевский, Д. Д. Семенов и другие. Многие из них сошли уже в могилу, оставив по себе признательную память и очень почтенные педагогические сочинения.

Значительная часть этого блестящего педагогического персонала была получена Ушинским из только что основанной, по соседству со Смольным институтом, первой, по времени открытия в Петербурге, ежедневной бесплатной Таврической школы. Она была устроена молодым инженерным офицером, бароном М. О. Косинским, энтузиастом-педагогом, даровитым преподавателем математики, много и с пользой потрудившимся над разработкой методики математических наук.

Самая эпоха возрождения и обновления России, когда сущность торжествовала во всем над бездушной формой, немало благоприятствовала такому замечательному подбору преподавателей. Облеченный обширными полномочиями и высоким доверием предрежущих властей, Ушинский не останавливался в привлечении к педагогической деятельности несомненно даровитых людей, у которых, однако, не оказывалось соответствующих этому предмету официальных дипломов. Так, с

большую пользу для дела, но в обход формализма, им были приглашены молодые офицеры: инженер барон М. О. Косинский – преподавателем математики и артиллерист М. И. Семевский – преподавателем истории. Оба они оказались не только превосходными наставниками, но немало потрудились впоследствии и на более широком общественном педагогическом поприще, Семевский же еще и на литературном как издатель “Русской старины”. Кроме того, Ушинский пригласил было преподавателем русского языка в младших классах института и известного писателя П. Г. Помяловского, очень выгодно зарекомендовавшего себя в качестве учителя в бесплатной Шлиссельбургской воскресной школе для детей рабочих. Помяловский, однако, дав несколько очень удачных пробных уроков в институте, отказался от штатного места преподавателя, не чувствуя в себе достаточно склонности к специальной педагогической деятельности.

Дружественным, единомышленным кружком собрались преподаватели около Ушинского. Всех привлекали высокие умственные и нравственные качества даровитого, энергичного руководителя, державшегося, однако, вполне по-товарищески. Здесь все делалось сообща, подвергалось дружному, одушевленному обсуждению.

На весь Петербург славилась педагогические четверги Ушинского. В маленький флигелек Смольного монастыря, находившегося в то время довольно далеко за городской чертой, в небольшую, уютную квартиру Ушинского еженедельно собирались не только друзья его и помощники-сослуживцы по институту, но и все, кто живо интересовался педагогическими вопросами. Интересоваться же действительно было чем, – было чему учиться. Тут можно было узнать все, что есть нового и выдающегося в педагогической области по части взглядов, методов и систем преподавания. Тут же, в общей беседе и оживленных спорах, намечались, обсуждались, вырабатывались новые программы и планы преподавания, проектировались разные изменения и улучшения.

Эти четверги сплачивали петербургскую педагогическую семью и вдохновляли ее на живую, плодотворную работу. Не только для непосредственных помощников Ушинского по институту, но и для многих других, интересующихся делом воспитания и обучения, эти педагогические собрания имели значение педагогической школы, в некотором роде *педагогизма*. И у самого Ушинского, и у ближайших его друзей и сослуживцев, и у лиц посторонних, случайно попадавших сюда, зарождались идеи и созревали планы целых педагогических трудов. Именно на

этих сборищах Ушинский подвергал обсуждению и программу, и исполнение “Детского мира”, задуманного еще в Гатчине, над обработкой которого он трудился теперь среди массы других многосложных своих обязанностей.

Благотворное влияние педагогических собраний Ушинского не ограничивалось замкнутым педагогическим кружком, но имело более широкое общественное значение. Трезвые педагогические взгляды и понятия разносились по всему Петербургу и, отражаясь в печати, распространялись с большею или меньшею полнотою по всей России.

После двухлетней работы под управлением Ушинского Смольный институт, нисколько не интересовавший прежде столичное общество, вызывавший только нелепейшие легенды, по причине своей замкнутости и рутины, вдруг стал предметом большого внимания со стороны всего интеллигентного Петербурга. О новой, разумной жизни этого учебного заведения, о происходящих и готовящихся там капитальных реформах громко говорила печать. Представители разных учреждений и ведомств, родители и родственники учениц, люди педагогической профессии массами стремились в институт, чтобы послушать уроки, о которых говорил весь город. И то, что они видели там, приводило их в изумление и восторг.

Ученицы обоих отделений Смольного института и всех классов, от старшего до самого младшего, не только не тяготились учением, не называли его “противным”, как это было прежде, а, напротив, с уважением относились к нему, были явно увлечены занятиями, обнаруживая большую любовь к труду. Между ученицами и наставниками были хорошие, простые, естественные отношения, основанные на взаимном уважении, доверии и доброжелательстве. Авторитет преподавателей, особенно же Ушинского, был очень велик в глазах учащихся. Родители и родственники, в глаза и за глаза, на словах и в письмах, иногда даже печатно, выражали Ушинскому горячую признательность, видя в ученицах не светских кукол, не кисейных барышень, а разумных, развитых девушек, со здоровыми взглядами, понятиями и суждениями.

На всю Россию гремело имя К. Д. Ушинского как умного, энергичного, талантливого реформатора-педагога. Славе Ушинского особенно много способствовало увлекательное преподавание им педагогики и дидактики в обоих отделениях Смольного института. Вообще, талантливый преподаватель и блестящий оратор, он вкладывал всю свою душу в преподавание этого предмета, чтобы разъяснить своим ученицам, готовящимся вступить в жизнь, великое назначение женщины как матери,

жены, разумного активного члена общества и всей государственной семьи.

Бывшие ученицы Ушинского, из которых многие имеют теперь в том же Смольном институте дочерей и даже внуков, с юношеским восторгом и слезами благодарности вспоминают об этих прекрасных уроках своего учителя. Они свидетельствуют, что великие заветы учителя освещали им жизненный путь, поддерживали их, руководили ими до преклонных лет.

Благодаря именно нравственному обаянию личности Ушинского голос его пользовался большим авторитетом и в самых высших сферах. Ему, например, поручено было письменно изложить свое мнение о воспитании наследника престола.

В эту пору наибольшего расцвета педагогического дарования и деятельности Ушинского вышла в свет его книга – “Детский мир”, сразу принесшая ему общерусскую известность. С большими сомнениями и колебаниями относился Ушинский к этому своему труду, отнявшему у него около трех лет. Строгий к другим, он был беспощадно суров к самому себе. Так как книга эта не удовлетворяла тем замыслам, которые созрели уже у него в это время относительно последующих педагогических работ, вскоре выполненных им, то он и не решался издавать свой “Детский мир”. И только уступая настоятельным советам и просьбам друзей, или правильнее – кружка помощников по институту, он решился выпустить эту книгу в количестве 3600 экземпляров. Но “Детский мир” сразу же сделался классною книгою во всевозможных учебных заведениях, так что в первый же год после выхода его потребовалось два новых издания.

К концу третьего года пребывания Ушинского в Смольном институте, т. е. к исходу 1861 года, слава его, значение и влияние его как передового русского педагога достигли своего апогея. Но апогея достигла также и зависть к Ушинскому. Та тысячеглавая гидра, которая смотрит на педагогическое дело как на ремесло и средство к выслуге, с тревогой и ненавистью следила за возвышением Ушинского, за возрастанием общественного его влияния – и клеветала на него. И чем больше разрасталась слава Ушинского, тем более ширилась клевета его завистников.

Такое громадное дело, как создание совсем новой у нас системы женского образования и оживление вообще всего педагогического дела в России, было достигнуто Ушинским только благодаря личной энергии и таланту и при содействии ближайших его помощников, безусловно, сочувствовавших ему во всем и шедших на помощь во всех его разумных начинаниях. А среди остальных окружавших его и так или иначе причастных делу приходилось встречать закоренелых, безнадёжных

приверженцев отжившей рутины. Из многочисленного, например, женского персонала института, за исключением лишь двух инспектрис: Е. Н. Обручевой и А. К. Сент-Илер, остальные не только не сочувствовали преобразовательной деятельности Ушинского, но, тайно или явно, стояли даже на стороне его врагов.

Короче говоря, в преобразовании института, или иначе – в созидании нового у нас типа среднего образования женщин, приходилось идти напролом, каждый шаг брать с бою. Это была непрерывная, продолжавшаяся почти ежеминутно борьба новых разумных начал воспитания и обучения с заскорузлой рутинной. Ввиду этого блестящая, по-видимому, роль Ушинского в качестве преобразователя института, в сущности, была тяжким бременем, переполнявшим его жизнь непрерывными тревогами, волнениями, неприятностями и разного рода столкновениями, крупными и мелкими, то с властными мира сего, то с подчиненными. От него как главы и руководителя дела, помимо гигантской энергии, требовалось, можно сказать, полное самозабвение, даже самопожертвование за высшие духовные интересы тех сотен русских девушек, образование и воспитание которых было вверено ему.

Труд Ушинского по институту – труд самоотверженный в полном смысле слова. Потому-то он и успел сделать так много в трехлетний срок, что сотрудники его видели в нем самозабвение, готовность на самопожертвование во имя великой идеи – насаждения рационального среднего образования женщин в России. Всем было ясно, как много Ушинский берет на себя, предпринимая разные нововведения исключительно на свой страх и риск. Обыкновенно делалось так, что сначала производилось само улучшение и потом уж поступала окончательная санкция на проведение его. Этого крайне неудобного и рискованного порядка по необходимости приходилось держаться ввиду новизны дела, чтобы не пугать ширью и смелостью нововведений. Вера Ушинского в свое дело, беззаветная преданность ему заражала, электризовала окружавший его педагогический персонал, – и новое дело ширилось, росло, преуспевало – наперекор мертвой рутине.

Но зато росли также зависть, ненависть, вражда к Ушинскому со стороны слепых приверженцев старины. Можно сказать, что почти одновременно с появлением Ушинского в институте начались непрерывные доносы на него. Этого бескорыстного человека, безупречной честности, убежденно верующего, патриота в самом возвышенном смысле слова, обвиняли во всевозможных неблагоприятных поступках, даже в

неблагонадежности. В числе этих клеветников-доносчиков были, между прочим, и лица, стоявшие у того же дела и долженствовавшие иметь своим девизом любовь к ближнему и самое высокое христианское смирение.

Настойчиво, энергично добиваясь определенной цели, не поступаясь ни в чем своими убеждениями, не имея обыкновения ладить с дрянными самолюбцами и обходить их, Ушинский в конце концов создал себе к началу 1862 года такую массу сильных врагов, что не только вынужден был оставить инспекторство, но даже и оправдываться из-за клеветнических доносов на него.

Словно громом пораженный в самое сердце, Ушинского в течение нескольких суток, почти не вставая с места, писал свое оправдание. Ему нисколько не страшно было, конечно, что гнусная клевета-донос сплела на него целый ряд самых тяжких обвинений, грозивших даже гибелью ему и его семье; но ему нестерпимо больно и обидно было то, что, несмотря на высокое положение и доверие, приходится отписываться в том, чего он не только никогда не делал, но даже и не мог делать по своему образованию, убеждениям, общественному положению и открыто проповедуемым взглядам.

Отписка Ушинского, в сущности, была не оправданием, а криком негодования, воплем, протестом против нелепости взводимых на него обвинений, – против наглого посягательства на его честь и доброе имя. Он в пух и прах разбил клеветнические изветы своих доносчиков, унизил, опозорил их; но вместе с тем разбил также и свое здоровье. Нервный, раздражительный, он слишком горячо принял к сердцу нанесенное ему оскорбление. Садясь за отписку бодрым и здоровым, он встал из-за нее поседевшим и начал харкать кровью...

Вероятно, на это, главным образом, и был рассчитан низкий клеветнический донос, так как все безупречное прошлое Ушинского, шедшего всегда прямо, открыто, имевшего обыкновение говорить всем, что он думает, действительно не поддавалось тайным доносам.

Императрица Мария Александровна, лично знавшая Ушинского с самой безупречной стороны и очень ценившая его как человека даровитого, выдающегося, с негодованием отвергла казуистические подходы клеветников, приняв знаменитого русского педагога под свое высокое покровительство. По разным соображениям чисто формального свойства, признано было неудобным продолжать Ушинскому инспекторскую деятельность. Он был причислен к IV Отделению собственной Его Величества канцелярии, с оставлением прежнего содержания, и получил

заграничную командировку.

Так неожиданно пресеклась беспримерно плодотворная у нас официальная педагогическая деятельность Ушинского в пору полного расцвета и апогея ее. А как много добра и пользы сулили юному, только что слагавшемуся русскому педагогическому делу дальнейшие труды Ушинского на прежнем месте!..

Своей чуткой душой он предугадывал стремление русских женщин к высшему образованию. Вслед за сделанными уже преобразованиями он мечтал о том, чтобы поставить общеобразовательный курс средних женских учебных заведений на одном уровне с мужским. Положив начало специальному педагогическому образованию женщин, он подумывал и о других средствах, чтобы облегчить образованным русским женщинам переход к иным родам трудовой деятельности. Эти смелые, широкие замыслы, с которыми Ушинский подходил к делу более 30 лет тому назад, остаются проблематичными и в наши дни.

Враги Ушинского торжествовали победу, но преждевременно. Правда, со сцены сошел реформатор, но не погибла сама реформа. Все нововведения Ушинского не только были сохранены в Смольном институте, но и получили распространение в других женских институтах империи. Именно по мысли Ушинского, хотя уже и после его ухода (12 апреля 1862 года), было разрешено отпускать воспитанниц институтов к родным на каникулы и большие праздники. Это в значительной мере нейтрализовало прежнюю оторванность институток от родного дома и окончательно уничтожило крайне вредную институтскую замкнутость и изолированность, порождавшую совершенно превратные, фантастические представления о реальной жизни.

Короче говоря, длинный ряд поколений русских женщин, прошедших через институты с начала 60-х годов, исключительно Ушинскому обязан лучшими условиями образования и воспитания, направленными главным образом к уничтожению физического и нравственного порабощения женщин, на которое обрекала большинство из них прежняя институтская система воспитания.

Велика заслуга Ушинского в этом отношении, но велика же и жертва с его стороны. Дорого заплатил он за такой успех дела: он купил его почти ценою собственной жизни!..

ГЛАВА VI. НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Редактирование К. Д. Ушинским “Журнала министерства народного просвещения” и причины отказа от редакторства. – Пребывание за границей; сближение с Н.И. Пироговым. – “Педагогическая поездка по Швейцарии”; значение его “Писем” для русского школьного дела. – “Родное слово”, его особенности и значение. – “Педагогическая антропология” как труд, единственный в педагогической литературе. – Особенное внимание и доверие к Ушинскому

В то самое время, когда в одном ведомстве Ушинского забрасывали доносами как ненавистного реформатора, мешавшего тунеядцам-рутинерам жить спокойно и будившего их к разумной деятельности, в другом учебном ведомстве, министерстве народного просвещения, деятельность Ушинского ценили очень высоко. В 1860 году, т. е. еще в бытность Ушинского инспектором Смольного института, состоявший в то время министром народного просвещения А.В. Головнин задумал коренным образом преобразовать “Журнал министерства народного просвещения”. Ввиду наступивших реформ в области просвещения министр желал сделать названный журнал органом разработки, обсуждения и разъяснения всех вообще педагогических вопросов. Выбор министра пал на Ушинского как единственно подходящего для этой цели редактора, – и он вполне оправдал возлагавшиеся на него надежды.

Вносить жизнь везде, где довелось приложить свой труд, – было особенностью его даровитой, энергичной натуры. Создав из безжизненного Смольного “монастыря” живое учебно-воспитательное заведение, в котором и обучающие, и учащиеся с увлечением отдавались труду, Ушинский сделал то же и с “Журналом министерства народного просвещения”. С середины 1860 года этот журнал, бывший прежде сухим, официальным сборником правительственных распоряжений и случайных специальных статей о предметах, никого не интересующих, совершенно преобразился, заняв видное место как чуткий, отзывчивый педагогический журнал, руководящий общественным мнением по всем очередным вопросам и текущим событиям в области просвещения. Печать стала считаться с мнениями неизвестного, безличного прежде журнала. Общество начало прислушиваться к нему. Для непосредственных же деятелей по

министерству просвещения журнал был незаменимым истолкователем очередных вопросов, задач, целей и средств к осуществлению их.

Особенно выделялись в журнале статьи самого Ушинского, обращавшие на себя большое внимание общества и возбуждавшие продолжительные дебаты в печати. В виде примера остановимся лишь на следующих его статьях.

“Труд в его психическом и воспитательном значении” – это блестящий философско-педагогический трактат. Рядом фактов и положений Ушинский доказал в нем, что “без личного труда человек не может идти вперед, не может оставаться на одном месте, но должен идти назад”. Труд сделался “довершительным законом человеческой природы, телесной и духовной, и человеческой жизни на земле, отдельной и в обществе, необходимым условием его телесного, нравственного и умственного совершенствования, его человеческого достоинства, его свободы и, наконец, его наслаждений и его счастья”.

Другая его статья – “О нравственном элементе в русском воспитании” – посвящена жгучему вопросу, не утратившему, к несчастью, своей остроты и до наших дней: “почему у нас людей нет?” Ушинский видит разгадку этого вопроса главным образом в недостатках нашего воспитания. “Одного ума и одних познаний, – говорит он, – еще недостаточно для укрепления в нас того нравственного чувства, того общественного цемента, который... связывает людей в честное, дружное общество”. “Влияние нравственное составляет главную задачу воспитания, гораздо более важную, чем развитие ума вообще, наполнение головы познаниями и разъяснение каждому его личных интересов”. Вообще, в статье разъяснена необходимость высокогражданского направления воспитания, чтобы “чувство личности, эгоизма” не заглушало в человеке “чувства общности или, другими словами, нравственного чувства”. Несомненно, что при такой постановке просветительного дела в стране не пришлось бы жаловаться на недостаток “людей”.

В третьей статье – “Проект учительской семинарии” – Ушинский впервые знакомит русское общество с задачами и назначением этих специальных учебных заведений, их организацией. Попутно разъясняя заслуги учительских семинарий за границей, он горячо ратует за деятельное распространение этих учебных заведений в России, характеризуя насаждение их у нас делом первойшей и величайшей государственной важности.

Ограничиваясь приведенными примерами, с уверенностью можно сказать, что, судя по характеру и направлению статей К. Д. Ушинского как редактора, а также и ввиду общего состава

журнала, предпринятое А. В. Головинным преобразование его могло иметь громадное влияние на успешный ход всех предстоявших реформ в области просвещения, на упрочение сознательного отношения к ним как педагогической среды, так и всего русского общества. Но, к сожалению, Ушинскому недолго пришлось быть редактором – лишь до ноября 1861 года.

Вступивший в управление министерством народного просвещения граф Путятин задумал сделать из журнала ученый сборник по всем наукам, нечто вроде пантеона всех наук. Не сочувствуя такому превращению полезного и даже необходимого педагогического органа печати, не считая себя способным быть редактором такого ученого энциклопедического журнала, Ушинский отказался от редакторства, т. е. прекратил службу по министерству просвещения.

Это не мешало ему, однако, продолжать участвовать в министерском журнале в качестве сотрудника. В мартовской, например, книжке за 1862 год он поместил обширную критическую статью под заглавием “Педагогические сочинения Н. И. Пирогова”. Восторженно относясь к личности автора, горячо сочувствуя воззрениям его на воспитание, Ушинский, однако, довольно сильно разошелся с ним во взгляде на значение классических языков в деле образования русского юношества. В противовес мнению Н. И. Пирогова Ушинский горячо настаивал, что не чужие языки, мертвые или живые, а непременно свой родной язык должен быть положен в основу образования как одно из самых лучших и благородных средств для духовного развития учащихся. Этому вопросу, кроме того, была посвящена Ушинским особая статья в “Журнале министерства народного просвещения” – “Родное слово”. Эту же мысль о выдающемся значении родного языка в образовании и воспитании русского юношества настойчиво проводил Ушинский в течение многих лет и в газете “Голос”. Наконец, свою мысль о значении родного языка Ушинский воплотил в особом руководстве “Родное слово”, о котором будет сказано ниже.

В мае 1862 года, пережив известную уже передрыгу в Смольном институте, с сильно расстроенным здоровьем, Ушинский уехал с семейством за границу, получив от IV Отделения командировку ознакомиться с положением образования женщин за границей. Там он провел пять лет, до 1867 года, живя преимущественно в Швейцарии, близ Веве, и в Гейдельберге как сильном умственном центре. В этом последнем пункте он познакомился и тесно сблизился с Н. И. Пироговым, к которому питал особенное расположение.

Не будучи, например, еще знакомым с Пироговым, никогда

не встречавшись с ним, Ушинский писал, однако, из Интерлакена одному из своих знакомых, проживавшему в Гейдельберге: “Завидую вам, что вы живете в одном городе с Пироговым и часто с ним видите: для него одного стоит переселиться на зиму в Гейдельберг! Я никогда не видал этого человека, но едва ли есть кто-нибудь другой, кого я уважал бы более”. Ушинский смотрел на Пирогова как на высоконравственного человека, общение с которым может возвысить, укрепить и окрылить дух другого. Вот почему в другом своем письме из Гейдельберга он говорил о Пирогове: “Наконец-то мы имеем посреди нас человека, на которого с гордостью можно указать нашим детям и внукам и по безукоризненной дороге которого можем вести смело наши молодые поколения. Теперь наша молодежь смотрит на этот образ, – и будущность нашего отечества будет обеспечена”.

Нужно заметить, что Ушинский, несмотря на большую общительность, был вместе с тем очень скуп, чрезвычайно разборчив на дружбу, тесное сближение с людьми. В Пирогове он чрезвычайно высоко ставил сочетание медицинского гения с высоким педагогическим дарованием и цельностью нравственной личности, неспособностью на покладистость и сделки со своею совестью. И Ушинский был прав, что его так манило в Гейдельберг, к Пирогову. Никто не в состоянии был бы так быстро и решительно утратить мучительных душевных ран Ушинского, как сделал это Пирогов. Под влиянием общения и сближения с ним Ушинский быстро воспрянул и окреп духом, с удвоенною энергией и лихорадочною торопливостью принялся за научную разработку, так сказать, основных корней и вершин педагогического дела, что и послужило блестящим заключением славной, бессмертной его литературно-педагогической деятельности.

Поселившись в Швейцарии, Ушинский деятельно принялся за изучение школьного ее устройства, главным же образом – народных школ, учительских семинарий и женских учебных заведений. Результатом этого изучения был ряд его “Писем из Швейцарии” (т. е. семь довольно объемистых статей), печатание которых, под общим заглавием “Педагогическая поездка по Швейцарии”, началось с конца 1862 года.

Большую пользу принесли эти “Письма” русскому обществу. Разбирая положение школьного дела в Швейцарии, Ушинский этим самым освещал и разные стороны нашего школьного дела, до законодательства включительно. Освещение это производило тем большее впечатление, что Ушинский вовсе не восторгался школьным делом в Швейцарии, а напротив, серьезно, с полным пониманием дела, разбирал его. Этим путем он очень удачно

подчеркивал те задачи и цели, к которым должно стремиться родное наше школьное дело, и те средства, которыми можно достигать намеченных целей. Таким образом, анализ школьного дела в Швейцарии был, так сказать, пронизан указаниями на потребности и нужды отечественного образования.

В каждом “Письме”, почти в каждой строке “Письма” сама собою чувствуется забота и дума о родном нашем школьном деле. Действительно, в эту пору душу Ушинского охватил мучительный пламень любви и преданности делу русского народного образования, только что зарождавшегося в ту пору.

Об этом, между прочим, дает особенно ясное понятие его “Письмо седьмое” (Цюрих), посвященное характеристике всех осмотренных им учительских семинарий в разных кантонах Швейцарии. Вот что, например, говорит он в заключение этого письма: “Возвращаясь в Цюрих по берегу прекрасного озера, я невольно соединил в своем воспоминании все четыре семинарии, которые видел, и не знал решительно, которой из них отдать пальму первенства; всякая из них имела свои хорошие и свои слабые стороны. Но как они различны, как в каждой из них отразился свой особый характер: семинария Фрелиха дышит поэзией; семинария Рюга – строгою логикою и методой; семинария Кеттигера – здоровьем сельской семейной жизни; семинария Фриса – наукой, современностью, ясным, спокойным рассудком и утилитаризмом... Можно поистине удивляться, как все эти три кантона: бернский, арговийский и цюрихский, выработали себе свои особенные, проникнутые кантональным характером, семинарии и как они отыскивали, каждый для своей семинарии, такого директора, который типически выражает в себе характер кантона и развивает его в своих воспитанниках... Боже мой! – думал я про себя, вспомнив многие наши полуиностранные учебные заведения: когда же мы увидим такие же характерные русские воспитательные заведения и во главе их – такие же типические, русские личности в высокоразвитой, облагороженной форме, когда подобные личности будут развивать в воспитателях благороднейшие черты истинно русского характера, а воспитатели будут вызывать этот характер в молодых поколениях русского народа!”

Понимая безотрадное положение народного образования в России, но лишенный возможности ринуться на родину для непосредственного, активного участия в этом великом государственном деле, всячески старается разбудить в русском обществе внимание к народному образованию, вселить в него надежду и веру в возможность светлого будущего. Это усилие Ушинского, словно крик наболевшей души, вылилось у него в

следующих строках письма на родину: “Теперь именно настает пора, когда России всего более нужны школы, хорошо устроенные, и учителя, хорошо подготовленные, – и много, много школ нужно! Иначе и свобода крестьян, и открытое судопроизводство не принесут всей той пользы, которую могли бы принести эти истинно великие шаги вперед. Школу, народную школу дайте России, – и тогда, лет через тридцать, станет она на прямую дорогу. Вас ждет, господа, лучшее время, чем то, в которое мы бились как рыба об лед! Готовьтесь же с любовью, с увлечением к тому великому поприщу, которое вас ожидает...”

Под влиянием новых ощущений, так сильно напоминавших о родном школьном деле, Ушинский деятельно принялся за составление ранее уже намеченных им книг для первоначального обучения детей, в возрасте до 10 лет, которые и вышли в свет в 1864 году под заглавием “Родное слово”.

Ранее выпущенный им труд “Детский мир” (в двух частях) представлял собою книгу для классного чтения. Назначение этой книги – облегчить преподающим выбор материала для чтения, соответствующий и последовательности в усилении умственных упражнений учащихся, и наглядному ознакомлению последних с предметами природы. Совершенно иное назначение имеет “Родное слово”. Это уже не книги для классного чтения, а систематическое руководство для первоначального обучения – первое, по времени появления в России, рациональное, строго методическое руководство в этой области обучения, остающееся единственным в своем роде и незаменимым до сих пор. Оно было задумано Ушинским вскоре же после выхода в свет “Детского мира”, под влиянием успехов последнего.

Оставаясь верным своему взгляду на значение родного языка как лучшего средства для духовного развития ребенка, Ушинский в своем руководстве положил родной язык в основу первоначального обучения и вокруг него, в тесной связи с ним, группирует остальные предметы обучения. Руководство его распределено на части или отдельные книги, по годам обучения. Первый год “Родного слова” (книга первая) обнимает собою “Азбуку” и “Первую после азбуки книгу для чтения”. Год второй (т. е. вторая книга “Родного слова”) представляет дальнейшую книгу для чтения, посвященную уяснению детьми домашнего и школьного быта, предметов окружающей природы, времен года и прочего.

Обе эти книги, на составление которых было потрачено, в общей сложности, около четырех лет труда, вышли в свет одновременно (в 1864 г.), а вслед за ними появилась и “Книжка для учащихся”, т. е. руководство к преподаванию по “Родному

слову”. Как заявил сам ушинский в своем “Руководстве к преподаванию”, его “Родное слово” включает в себе “много нового как в методе, так и в приемах учения”. В действительности же труд его был безусловно новым не только в нашей, русской, но и в мировой педагогической литературе, как по общему замыслу, так и по исполнению.

“Написать первую книгу после азбуки, – скажем мы словами Ушинского, – едва ли не самая трудная задача во всей дидактике”. Тем не менее, он весьма удачно выполнил эту задачу. Сделав центром первоначального обучения родной язык, Ушинский постепенно, держась строго индуктивного метода, знакомит детей не только с тем, что им необходимо знать в обиходе обыденной жизни и окружающей природы, но также с основаниями религии, молитвами, грамотным письмом, счетом и первоначальным рисованием. Всему этому придана в “Родном слове” такая форма, что приобретение новых сведений дается ребенку без всякого насилия над его природой: знания как бы сами собою вливаются в ребенка со страниц разумной книги, гармонично укладываются в его сознании, вызывая любознательность, пытливость и самостоятельность в учащемся.

В своем “Руководстве к преподаванию” Ушинский, между прочим, так определяет назначение “Родного слова”: “Издавая руководство для учащихся по “Родному слову”, я имел в виду не только школу, но и семью. У нас более чем где-нибудь распространено домашнее первоначальное обучение, и дай Бог, чтобы оно распространялось и улучшалось. Осмотрев множество заграничных школ для малолетних детей, я вынес из этого осмотра полное убеждение, что первоначальное воспитание и учение детей, по крайней мере до 8-летнего и даже до 10-летнего возраста, более на месте в семье, чем в общественной школе, и что самая школа для малолетних детей тогда только хороша, когда она вполне проникнута семейным характером и более похожа на семью, чем на школу. Я нередко любовался устройством малолетних школ за границую, но всегда находил дурным, что они избавляют от необходимости заниматься с детьми не только таких матерей, у которых весь день поглощен личным и тяжелым трудом, но и таких, которые очень могли бы посвятить обучению своих малюток те немногие часы или, лучше сказать, минуты дня, какие для этого нужны. С удивлением заметил я потом, что в самой педагогической стране в мире вовсе не развиты в женщине те педагогические наклонности, которые столь свойственны женской природе... Желал бы от всей души, чтобы на моей родине, рядом с устройством малолетних школ для детей, не могущих, по каким-либо уважительным причинам,

пользоваться счастьем хорошего домашнего воспитания и ученья, развивались в русской женщине наклонности и умение самой заниматься первоначальным воспитанием и обучением своих детей. Я желал бы, чтобы русская женщина, испытав глубокое наслаждение самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслаждения никому, без крайней необходимости. Что женщине врождено стремление учить и развивать свое дитя, а вместе с тем даны и необходимые для этого способности, – в этом не может быть сомнения. И если многие матери, несмотря на все свое желание не расставаться рано со своими детьми и учить их самим, тем не менее, поручают это дело школе или чужим лицам, то это объясняется практической неподготовленностью матерей к делу первоначального обучения. Вот почему, назначая мой учебник не только для школы, но и для семьи, я счел необходимым приложить к нему такое руководство для учащихся, которое ведет их шаг за шагом в деле первоначального обучения отечественному языку... Я в этой книге имел главной целью – помочь начинающим учить и в особенности облегчить для матери и сделать для нее приятным труд первоначального обучения”.

В отношении последующих частей “Родного слова” Ушинский имел такой план. Давши детям в первых двух частях “Родного слова” обильный материал для практического изучения русского языка, в третьей части перейти к грамматике и другим предметам. Вследствие этого первым отделом третьего года обучения явилась грамматика; второй отдел должна была составлять география; третий – история; четвертый – арифметика. К сожалению, преждевременная смерть помешала закончить так широко и дельно задуманный план практического руководства, долженствовавшего обнять всю программу начального образования. Отвлеченный другой большой, важной и сложной работой, о которой будет сказано ниже, Ушинский лишь через шесть лет, т. е. в 1870 году, выпустил первый отдел третьего года “Родного слова”, т. е. грамматический отдел, с соответствующим руководством для преподавателей.

Это единственный у нас опыт наглядного, так сказать, изложения грамматики. Точно так же и “Руководство к преподаванию” этого отдела “Родного слова” (т. е. практической грамматики) представляет единственный в своем роде разбор того произвола, безалаберщины и мертвечины, которая царит во всех принятых и одобренных для учебных заведений грамматиках русского языка. Ушинский ставит такое правило в основу осмысленного преподавания русской грамматики: “Так как грамматика есть результат наблюдений человека над собственным языком, а не язык – результат грамматики, то самый

рациональный прием изучения грамматики будет такой, при котором стараются обратить внимание дитяти на то, как он говорит, и только руководят его наблюдением над теми грамматическими законами, которым он бессознательно подчиняется в своей речи, усвоенной подражанием, но созданной самосознанием. Руководство наставника при этом, без сомнения, необходимо; предоставленное самому себе дитя, конечно, не сделает никаких наблюдений над таким сложным, обширным и притом невидимым явлением, каким представляется человеческое слово во всей его исторической и логической организации. Но при этом руководстве должно, сколько возможно более, оставлять самостоятельности ученику”.

Громадная, незаменимая потеря для нашей педагогической литературы, для всего учебно-воспитательного дела, что Ушинскому не удалось кончить остальных отделов третьего года “Родного слова”. Тем не менее, выпущенными им частями “Родного слова” он оказал неоцененную услугу всему делу школьного и домашнего начального образования. Он первый у нас, в России, истолковал эту сложную, труднейшую отрасль обучения, в деталях разъяснил ее от азбуки до сознательной грамотности. Он создал разумную русскую начальную школу, разумное первоначальное обучение – воспитывающее, образующее, облагораживающее ум и чувство, вызывающее у учащегося к самообразованию, самоусовершенствованию.

Это – такая великая заслуга перед отечеством, что, если бы Ушинский не прибавил более ни одной строки к своему “Родному слову”, – одного этого труда было бы совершенно достаточно, чтобы обессмертить его имя как одного из талантливейших и просвещеннейших в мире педагогов. Он изъяс дело начального обучения и воспитания из произвольных усмотрений господ педагогов, водрузил его на философские устои и привил ему строго индуктивный метод как единственно возможный и безусловно обязательный на этой ступени образования.

Но Ушинский еще более обессмертил и прославил себя другим обширным, капитальным трудом: “Человек – как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии”.

Одну из главных задач заграничной его командировки составляло поручение от IV Отделения составить руководство по педагогике. Поручение это как нельзя более отвечало давним желаниям самого Ушинского и совпадало с общим направлением и характером научно-педагогической его деятельности, посвященной разработке основных принципов и руководящих начал в деле обучения и воспитания.

В течение пятилетнего пребывания за границей подготовка к

составлению “Педагогической антропологии” преобладала над всеми другими его занятиями. Совершенно своеобразно и очень умно отнесся Ушинский к возложенному на него поручению – написать обстоятельный курс педагогики. Он совершенно отрицал пользу руководств по педагогике, в смысле голого свода известных правил, без указания их оснований, без уяснения вообще человеческой природы. Это – простая педагогическая рецептура, какую мы видим в иностранных педагогиках, особенно же в немецких, – не слишком понятна и мало приложима к делу; она открывает широкий простор ошибкам и произволу каждого, соответственно степени личного неведения, заблуждениям в отношении требований и свойств природы учащегося, воспитываемого юношества. Смотря на педагогику именно как на искусство, которому можно выучиться только на практике, Ушинский применял к ней то же требование, как и во врачебном деле. Как невозможно быть хорошим врачом, изучив лишь какие бы то ни было полные и совершенные лечебники, но без должных познаний по анатомии и физиологии человека, точно так же невозможно быть и сознательным педагогом, не имея ясного понятия о физической и духовной природе человека, насколько она исследована, объяснена современной наукой.

Значит, требуется прежде всего не руководство по педагогике, в смысле учебника, собрания правил и положений, а такая книга, которая помогала бы уяснению свойств человеческой природы. Это тем более необходимо по условиям русской педагогической деятельности, ввиду необычайной скудости в нашей образованной среде познаний о физической и духовной природе человека, особенно же – философских сведений и общедоступных книг по этой части. Поэтому Ушинский и задался целью написать как можно общедоступнее специальную антропологическую книгу, которая бы заключала в себе систематическое собрание всех необходимых сведений о природе человека вообще. Для этого, конечно, необходимо было перечитать всех величайших мыслителей и естествоиспытателей, от Аристотеля до Канта, Дарвина и Шопенгауэра, и затем уже сделать из них соответствующие выборки, чтобы получить одно связное целое о том, что добыто наукою в течение длинного ряда веков о человеческой природе.

На эту подготовительную работу ушло пятилетнее пребывание Ушинского за границей. Перечитывая массу сочинений великих ученых, древних и новых, он делал из них выписки на особых листах. Таким образом, за пятилетие у него образовался целый багаж сырого материала, с которым он и явился в Петербург в 1867 году, чтобы окончательно обработать

его, свести в одно целое, связать одной общей идеей. Так как общий план работы давно уже был готов, то и выполнение его не заставило себя долго ждать. В конце 1867 года он выпустил в свет первый том своей книги – “Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии”, а в 1869-м – и 2-й том.

Так появилось двухтомное сочинение Ушинского, представляющее обширную и единственную в мировой педагогической литературе популярную антропологическую энциклопедию. Этот драгоценный вклад в нашу научную литературу имеет незаменимое значение не только для педагога, но и для всякого образованного человека, сколько-нибудь интересующегося свойствами духовной и физической природы человека.

Кроме двух томов “Педагогической антропологии”, Ушинский имел в виду написать еще и третий том, посвященный приложению теоретических оснований воспитания и обучения, изложенных в двух первых томах, к педагогической практике. К величайшему сожалению, этот труд остался неоконченным. Но, тем не менее, сохранились черновые рукописные наброски его, сохранился даже весь конспект полного (трехтомного) сочинения “Педагогической антропологии”, как оно было задумано и подготовлено вчерне его автором. Все это находится в распоряжении г-жи Ушинской, вдовы покойного, но, к сожалению, до сих пор еще не опубликовано.

В печати (в брошюре г-на А. Фролкова) опубликована лишь программа третьего тома “Педагогической антропологии”. Эту, практическую, часть труда предполагалось посвятить “психическим явлениям высшего порядка, или явлениям духовным”. Считая отличительным признаком этих явлений самосознание или разумность в качестве общего корня всех духовных, чисто человеческих, проявлений, Ушинский подразделяет их на следующие виды: *дар слова*, *чувство художественное*, *чувство нравственное*, *чувство религиозное*. Развитие в ребенке каждого из этих “видов”, т. е. приведение каждого из них в состояние полного, ясного самосознания, и должно составлять задачу воспитания, в целом же – они должны дать воспитание человека.

Этот вид воспитания, конечно, не имеет ничего общего с выпуском в жизнь просто офицеров, инженеров, сельских хозяев, учителей и прочих, и прочих. В каждом из них чувствуется в большей или меньшей степени *специалист*, но слишком мало “человека”. Между тем должно быть наоборот: воспитание должно образовать, оформить прежде всего “человека”, – и потом уже из него, как из личности развитой, нравственной, непременно

выработается и соответствующий специалист, любящий избранное им дело, преданный ему, тщательно изучающий его и потому способный приносить наибольшую пользу в избранной им сфере деятельности, соответственно размерам своих природных дарований.

Такого именно воспитания и добивался Ушинский во всем, что вышло из-под его пера теоретического, а равно – и в своей педагогической практике. Особенно же большую услугу оказал он в этом отношении своим последним трудом – “Человек как предмет воспитания”, разъяснив в нем основы, условия и требования истинно *человечного* и *человеческого* воспитания, так чтобы не калечилась, не извращалась человеческая природа, а наоборот – получала бы наибольшее развитие, соответственно индивидуальным особенностям каждого.

Если России суждено когда-нибудь дожждаться университетской кафедры по педагогике, то книга Ушинского “Человек как предмет воспитания”, считая в том числе и конспект третьего ее тома, является готовою программой для такой кафедры. За отсутствием же последней “Педагогическая антропология” Ушинского представляет собою единственную сокровищницу и руководительницу для всех не желающих ощупью бродить в сложном, трудном и крайне ответственном деле воспитания и обучения.

“Письма из Швейцарии”, выпуск в свет “Родного слова” и “Педагогической антропологии” – все это доказывает, какую деятельную жизнь вел Ушинский за границей, – едва ли даже не более труженическую, чем в России. Это было время его наибольшего умственного и нравственного возбуждения, наибольшего проявления его творческой энергии и силы.

Полный широких замыслов, под наплывом новых и новых планов педагогических работ учебного и научного характера, он переезжал за границей из одной местности в другую не в поисках отдыха и праздного развлечения, а для изучения школьного дела. С этой целью, кроме Швейцарии и Германии, Ушинский посещал Италию и Францию. В Ницце знаменитый русский педагог удостоился чести неоднократно беседовать с императрицей Марией Александровной о разных вопросах воспитания. О серьезном значении этих бесед можно судить уже по тому, что императрица поручила ему высказать свой взгляд по вопросу о воспитании наследника русского престола.

Ушинский изложил свой взгляд по этому предмету в четырех довольно обширных письмах, которые благосклонно были приняты Ее Величеством, встретив с ее стороны живое сочувствие и одобрение. В этих письмах указывалось, между прочим, на

особенную трудность в воспитании будущего монарха России ввиду необычайной шаткости, неустойчивости тогдашнего русского общества, стоявшего, так сказать, на рубеже между дореформенным порядком и нарождавшимися великими внутренними преобразованиями России. Старое не вполне еще умерло, новое не успело окрепнуть, набраться как следует силы. Между тем и другим порядком велась упорная борьба, шел горячий спор, поселялись сомнения, слышались упрямые отрицания. Указывая на неблагоприятность и даже опасность для правительства таких противоположных общественных течений, Ушинский находил, что противовесом им должно служить как можно большее укрепление в уме и сердце будущего главы государства не только собственно русских, но и общеевропейских государственных убеждений и взглядов.

ГЛАВА VII. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Изъятие “Детского мира” из учебных заведений министерства народного просвещения. – Ушинский как полемист. – Переезд в Петербург; непосредственное влияние Ушинского на столичную педагогическую среду. – Ушинский как центр тяготения педагогической деятельности в России. – Столкновение на университетском диспуте. – Пребывание на юге России и сближение с народными учителями. – Последний удар жизни

Проживая с семейством за границей, Ушинский почти ежегодно приезжал в Петербург по делам своих изданий. Приехав в 1866 году, он был поражен и тяжело оскорблен известием, что его книга для классного чтения (т. е. “Детский мир и хрестоматия”) не допущена ученым комитетом министерства народного просвещения в школах этого ведомства. Со времени выхода “Детского мира” прошло уже более пяти лет; книга успела получить обширное распространение в учебных заведениях всевозможных ведомств и стать необходимой классной книгой; наконец, известность и авторитет Ушинского как педагога, казалось бы, должны были предоставлять надежную гарантию против “недопущения” ее по министерству народного просвещения. Тем не менее “недопущение” было совершившимся фактом.

И – чрезвычайно характерный факт – в 1866 году “Детский мир” подвергся остракизму по ведомству народного просвещения именно за то, за что он, в бытность министром народного просвещения А. В. Головнина, заслужил особенное одобрение. Тогда, т. е. при министре Головнине, составителю книги вменена была в особую заслугу прагматичность ее, богатство и разнообразие статей по естествознанию, разумный подбор их, помогающий наглядному ознакомлению детей с предметами природы. Но спустя пять лет, т. е. при министре народного просвещения графе Д. А. Толстом, тот же ученый комитет и, насколько известно, даже то самое лицо, которое давало первый отзыв о “Детском мире”, на этот раз истолковали обилие статей по естествознанию в смысле развития у детей материализма, нигилизма...

Ушинский, конечно, нисколько не заблуждался, что в этом гонении на его книгу повинна не сама по себе книга,

оставшаяся одобренной учеными комитетами других ведомств, а тот мелкий, ничтожный эпизод, который произошел около 16 лет тому назад во время службы его в департаменте иностранных исповеданий и восстановил против него графа Д. А. Толстого. Эпизод этот был чисто личного свойства, не имел никакого отношения ни к убеждениям Ушинского, ни тем более к его книге для чтения. Эта последняя, однако, оставалась под ostrакизмом по ведомству народного просвещения не только во все время жизни Ушинского, но и спустя даже целое десятилетие после его смерти. Только в начале 80-х годов “Детский мир” вновь рекомендован ученым комитетом министерства народного просвещения во всех учебных заведениях этого ведомства, хотя, конечно, в книге этой не произошло никаких изменений.

Нравственное оскорбление, причиненное Ушинскому недопущением его книги для чтения по ведомству народного просвещения, было еще более усилено случайным совпадением этого факта с выходом в свет “Книги для первоначального чтения”, составленной А. Филоновым и А. Радонежским и появившейся в Петербурге. Это изданию болезненно отозвалось в душе Ушинского, так как в нем чувствовалось отражение реакции против всех новых веяний в русской жизни, и реакция эта явно уже начинала понемногу поднимать голову, Господа Филонов и Радонежский вздумали открыто пойти наперерез всем тем основам и принципам в деле начального обучения и воспитания, инициатором и насадителем которых был Ушинский. Жестоко же проучил он их за эту предерзость!..

Ушинский, нужно заметить, вообще был блестящим полемистом. Остроумный, находчивый, логичный, живой и точный в выводах и положениях при устном и печатном споре, он вполне оправдывал название “ученого бойца” (“полемика”). Еще раньше он дал превосходную отповедь на рецензию г-на Толя, появившуюся в журнале “Учитель”, о его “Детском мире”. Эта отповедь была чисто принципиального свойства, так как в ней Ушинский отстаивал, развивал и разъяснял те начала и принципы, которым должна удовлетворять книга для классного чтения и против которых рецензент его, г-н Толь, действительно сильно погрешил в предъявленных им требованиям “Детскому миру”. Более широкое поприще представляла для уяснения этих начал и принципов книга господ Филонова и Радонежского, так как в ней они были не только забыты, но намеренно поруганы, попорчены.

В обширной статье “Цветы московской педагогики на петербургской почве”, помещенной в “Отечественных записках” в 1866 году, Ушинский, переходя от статьи к статье, разобрал эту

удивительную книгу, решительно выходящую из ряда вон. Подлинные цитаты из всех 6 разделов книги наглядно доказали несомненную непригодность книги “для первоначального чтения”, так как в детях, едва овладевших грамотою, предполагаются такие предварительные познания, какие только-только впору ученикам V класса гимназии. Ничего не может сделать с этою книгою и народный учитель даже при самом лучшем желании. Для прочтения, например, в классе нескольких статей в одну-две страницы ему пришлось бы употребить на предварительные беседы с учащимися целые месяцы, чтобы сообщить им всё необходимое для понимания той или другой статьи. А так как такими именно статьями почти сплошь наполнены все шесть разделов книги, то, значит, в народном учителе предполагается такой запас знаний по Закону Божию, истории, географии, естествознанию и словесности, какими могут обладать лишь преподаватели гимназий по каждому из этих предметов в отдельности. Наконец, первый отдел книги (по Закону Божию) начинается отрывками из Священного Писания на церковно-славянском языке. Очевидно, составители книги признавали необходимым начинать учить детей на церковно-славянском языке и потом уже переходить к русскому, – учить так, как учили в старину, когда единственными учебными книгами были “Часослов” и “Псалтирь”.

“Вся книга господ Филонова и Радонежского есть один большой курьез, – говорит Ушинский, после длинного ряда фактических изобличений нелепости в ее составлении, – но самое курьезное в ней – это появление ее в свет. Оно – законное дитя тех педагогических мнений о детском обучении, которые проводились в “Московских ведомостях”, в “Современной летописи” и в “Русском вестнике”, – законное, но не старшее. Первенцем этой новейшей московской педагогики явилась книга г-на Н. Щербины, одного из педагогических деятелей “Русского вестника”. Г-н Щербина, писавший прежде только стихи, вдруг, вдохновленный московскою прессою, вообразил себя педагогом; сначала написал громоносную статью против всякой рациональной педагогики и против всяких народных учителей-педагогов, и потом захотел показать на деле, что можно всякому быть педагогом, стоит только захотеть: вооружился пером... нет, не пером, а *ножницами* и, вырезывая листы из разных старых изданий, преимущественно же куски из “Московских ведомостей”, составил “Пчелу, сборник для народного чтения и для употребления при народном обучении”, “Молодым людям на поученье, старым людям на послушанье”. Но г-н Щербина был все-таки поосторожнее и – как бы сказать?., поделикатнее своих

петербургских подражателей... Не прибавь он в своей книге: “и для употребления при народном обучении”, для которого она столько же годится, сколько и старые “Московские ведомости”, – мы бы и не упомянули о ней в этой статье. Но петербургские педагоги, господа Филонов и Радонежский, под наитием московской педагогической музыки пошли... гораздо дальше г-на Щербины. Господа Филонов и Радонежский тоже принялись за ножницы; но ножницы их работали гораздо быстрее, гораздо решительнее и неразборчивее... и вот в три-четыре вечера (куй железо, пока горячо!) появилась книга уже не для народного, а прямо для “первоначального” чтения, т. е. для *обучения чтению*. Этим, правда, они избегли ошибки г-на Щербины, который полагает, что седовласый старец и восьмилетнее дитя (ученик народной школы) могут читать одно и то же с одинаковой пользой; но зато составили такую книгу для *первоначального чтения*, которую положительно полезнее будет заменить чтением казенных объявлений, издаваемых при “Московских ведомостях”. Вот по каким причинам мы можем назвать книгу господ Филонова и Радонежского “*цветком московской педагогики, распустившимся на петербургской почве*”.

Составители этого “цветка” не только погрешили против основных педагогических требований, но даже и злоупотребили именами митрополита Филарета, Карамзина, Ломоносова, архиепископа Иннокентия и других достойных русских людей. Слишком уж неразборчиво работая ножницами, они преподносят для чтения детям, едва овладевшим азбукою, такие мудреные выдержки из произведений этих русских писателей и церковных ораторов, усвоение которых, решительно превышая детские силы, могло бы внушить им даже ненависть и отвращение к самым уважаемым русским людям. По этому поводу Ушинский обращается к составителям книги со следующими горячими словами:

“Эх, господа Филонов, Радонежский и tutti quanti,^[1] не трогать бы вам лучше почтенных имен наших великих людей! Карамзины и Ломоносовы любили отечество, любили науку, горячо верили в прогресс, трудились всю жизнь для народного образования и, прежде всего, были честные люди. Как глубоко огорчились бы они, если бы могли предвидеть, что через сто, полтораста лет после них возможны будут такие патриотические спекуляции их именами в деле воспитания русских детей! Как бы глубоко огорчились эти истинные патриоты – а не фальшивые, подкрашенные, размалеванные шуты в патриотических масках, – если бы могли предвидеть, что через сто, полтораста лет после них в русской учебной литературе будут появляться такие книги,

которые даже где-нибудь на Отаитских островах были бы нелепостью”.

Разбор Ушинского, можно сказать, в лоск уложил эту более чем неудачную книгу, которая, несмотря даже на явные усилия поддержать ее, не имела никакого успеха. Ушинский произвел настолько сильное впечатление своим разбором, что ответ на него Филонова, под заглавием “Плоды педагогического озлобления”, не был принят ни одной редакцией и появился отдельною брошюрою. Но какой это удивительный ответ! Бессильный отстоять свою книгу, Филонов просто написал донос на книги Ушинского “Детский мир” и “Родное слово”, обвиняя их в антирелигиозном направлении. Ушинский не удостоил ответом эту очевидную для всех клевету... Разбирая книгу Филонова и Радонежского, Ушинский не имел в виду решительно никаких личных счетов и целей. Он желал только рассеять тот мрак, те допотопные понятия в отношении воспитания, которыми московские журналисты все еще продолжали наводнять Россию, несмотря на более чем десятилетний уже благоприятный поворот в русском общественном мнении – исключительно под влиянием Ушинского.

К. Д. Ушинский тяготился продолжительною жизнью за границей, не соответствовавшей ни его порывам работать на пользу русского школьного дела, ни его взглядам на воспитание подраставших своих детей, которых он желал учить непременно в России, в кругу русских детей, считая безусловно вредным исключительное заграничное воспитание. Поэтому, почувствовав восстановление своих сил, он немедленно перебрался с семьею в Петербург, в 1867 году.

Здесь с какою-то лихорадочною торопливостью предался он кипучей, разнообразной деятельности. Обработывая “Педагогическую антропологию”, занимаясь подготовлением третьей части “Родного слова”, он был вместе с тем увлечен и мыслью о применении в России всех тех новых для нее педагогических начал, которые выработал за границей путем продолжительного наблюдения, большой научной подготовки и размышления. С этой целью он стал деятельно посещать петербургское педагогическое общество (при второй гимназии). Внося собственные рефераты, принимая участие в обсуждении рефератов других членов, он немедленно выдвинулся как один из самых энергичных и авторитетных членов общества и стал душою его. Довольно вялая, безличная прежде деятельность педагогического общества сильно оживилась. И это было очень важно, так как пора стояла горячая. Нарождались народные школы и учительские семинарии; только что складывалась жизнь

женских гимназий; назревала реформа средних учебных заведений, так называемая нынешняя классическая система образования. На все это горячо и дельно стало отзываться столичное педагогическое общество, если не всегда по личному почину ушинского, то обязательно при энергичном его участии и руководстве. Именно благодаря главным образом ему ни один из возбуждавшихся в педагогическом обществе вопросов не снимался с очереди, пока не был исчерпан, как говорится, до дна. В этом отношении ушинский – этот “ходячий педагогический архив”, “багаж педагогической мудрости”, как его называли сочлены общества, – был неоценим, незаменим.

Серьезное, умелое и чуткое отношение педагогического общества к вопросам и явлениям школьной жизни снискало ему большое сочувствие образованной части населения как в столице, так и в провинции. Собрания общества посещались такою массою отборной образованной публики, что громадный зал второй гимназии, где происходили заседания, не всегда вмещал собравшихся. В педагогических журналах обязательно помещались рефераты, вносимые в собрание; там же печатались и подробные отчеты о прениях, происходивших в собраниях (в форме стенограмм или точного пересказа). Это давало возможность широкой печати и читающей публике правильно ориентироваться относительно взглядов и заключений кружка компетентных людей по специальным педагогическим вопросам, что, в свою очередь, способствовало определенности, устойчивости общественных воззрений на школьное дело вообще.

Благодаря почину Ушинского, отдавшего на гласный, открытый суд педагогического общества свои учебные и научные сочинения, вошло в обычай, что почти не оставалось ни одного вновь появлявшегося педагогического сочинения, которое бы не проходило через горнило критики педагогического общества. Тут сообщая устанавливалась гласная, беспристрастная оценка каждому из них. В этом отношении особенно много помогал Ушинский, зорко следивший за всем, что появлялось в нашей педагогической литературе. Он же главным образом ввел в обычай сообщать с критической оценкой обо всем, что появлялось выдающегося в заграничной педагогической литературе, за которой также внимательно следил.

Гласная критика всего, что появлялось в нашей педагогической литературе, была очень полезна уже в том отношении, что в значительной мере предотвращала одобрение к употреблению таких руководств, которые не отвечали своему назначению. Кроме того, эта критика имела еще и другое, более существенное, значение. При оценке каждого руководства или

учебного пособия всесторонне обсуждались также программа, план, метод изложения и прием преподавания каждого предмета в связи с особенностями того рода заведений, для которых предназначается данное сочинение. Такое обсуждение, конечно, вызывало оживленный обмен мнений и способствовало самому детальному выяснению дела, так что не оставалось места никаким сомнениям и произвольным выводам.

Ввиду этого можно без преувеличения сказать, что столичное педагогическое общество имело значение общерусской педагогической школы. Влияние его действительно распространялось на всю Россию. Число провинциальных членов возрастало из года в год. Каждый из них непринужденно обращался в общество со всеми своими вопросами и сомнениями. Приезжая в Петербург, провинциальные члены являлись в собрание, знакомились и налаживали отношения с теми из членов, которые представляли для них наибольший интерес по роду их специальности.

Какое громадное и благотворное влияние имело в это время педагогическое общество, душою и вдохновителем которого был главным образом Ушинский, можно видеть, между прочим, из того, что самые дельные руководства и учебные пособия по всем предметам учебного курса появлялись в свет или в конце 60-х годов (с 1867 по 1870-г.), когда Ушинский принимал непосредственное участие в работе общества, или в начале 70-х годов, когда были свежи еще великие традиции Ушинского в русской педагогической среде. Если вы дадите себе труд перечислить все наиболее известные и уважаемые нынешние педагогические силы, – они окажутся состоящими почти поголовно из тех лиц, которые или только что начинали приобретать некоторую педагогическую известность, или впервые вступали на педагогическое поприще в ходе 60-х годов. И память не подсказывает нам между ними ни одного сколько-нибудь выдающегося педагога, который не был бы сочленом общества, не принимал бы участия в его великой самодеятельной работе, имевшей такое громадное воспитательное значение для всей обширной русской педагогической семьи. То, что творилось в петербургском педагогическом обществе, разносилось по всей России, вдохновляло провинциальных ее работников и руководило ими. Благодаря этому руководящему центру они чувствовали общность и цельность педагогических интересов. Это поддерживало в них интерес к педагогическому труду, увлекало высокою идейною стороною этой трудной деятельности.

Не занимая никакого официального педагогического положения, Ушинский, тем не менее, через посредство

педагогического общества стал центром притяжения всей педагогической деятельности в России. Строго говоря, это – самая кипучая, бурная и производительная пора в жизни Ушинского, когда педагогический авторитет его достиг наивысшей силы. К этому времени относится самая обширная переписка Ушинского и с иностранными педагогами, и с земствами, и с отдельными русскими педагогическими деятелями, работавшими в провинции главным образом по начальному образованию.

Так, например, барон М. О. Косинский, бывший директором одной из первых земских учительских семинарий в Новгороде, находился в самых оживленных отношениях с Ушинским, пользуясь его советами и указаниями при организации нового у нас дела. Очень деятельную переписку вел Ушинский с бароном Н. А. Корфом, работавшим тогда в Екатеринославской губернии по народному образованию. Ушинского очень живо интересовало нарождавшееся у нас в то время народное образование, главным же образом отношение к нему самого крестьянства и земства. С восторгом приветствовал он сознательное отношение крестьян к потребности образования для их детей, видя в этом лучший залог для разумной и прочной постановки начального образования и успешного его развития, соответственно потребностям местной жизни. Вот что, например, говорил он в своей статье “О возникновении наших народных школ”, помещенной в “Народной школе” Ф. Н. Медникова в 1870 году:

“...Наша народная школа, как ни слабы еще до сих пор ее начатки, уже действительно начинается у нас, и начинается *самым естественным образом*, из прямых своих источников: из понимания народом необходимости образования для жизни и из теплого источника любви родителей к детям, которых отцы хотят приготовить к жизни лучше той, какую они сами вели. Как ни просто и как ни естественно такое начало народной школы, но оно не так обыкновенно, как может показаться, и необыкновенно именно потому, что слишком просто и естественно. Человек только в редких случаях попадает на прямой путь; по большей же части он долго колесит вокруг и около, прежде чем придет к тому, что просто и естественно. Станным может показаться, если мы скажем, что наша только что зарождающаяся народная школа стоит на той прямой дороге, к которой едва в последнее время начинает приближаться народное образование в некоторых западных государствах, далеко обогнавших нас в этом деле, но между тем это действительно так”.

Ввиду наиболее успешного и плодотворного развития народного образования Ушинский энергично ратовал в пользу возможно большей свободы в этом деле местных органов

общественного управления, так чтобы “как администрация, так и высшие слои общества сохранили за собою право содействовать этому делу только убеждением, разъяснением, примером и, наконец, материальною и интеллектуальною помощью, но никак не принуждением, запрещением, регламентациею и тому подобными мерами, которые были у нас прежде в таком ходу и которые здесь, в этом чисто семейном деле народа, не должны иметь никакого места... Если мы оставим за собою одну вспомоществующую деятельность, то и тогда поле этой деятельности будет бесконечно громадно, так громадно, что для полной обработки его не хватит, может быть, ни наших финансовых, ни наших административных средств”.

Короче говоря, Ушинский добивался, чтобы все дело народного образования, во всей его организации, созидалось и развивалось непременно на почве народного самосознания, так как только при этом условии образование получает в глазах населения наибольшее значение и приобретает особенно благотворное воспитательное влияние на массу. В чем именно должна была состоять эта “вспомоществующая деятельность”, куда и как ее направить для просветления сознания массы населения, Ушинский обещал поговорить в “особых статьях”. Но судьбе угодно было распорядиться иначе: цитированная нами статья была последней статьей Ушинского.

Как ни разнообразна была педагогическая деятельность Ушинского – кабинетная, журнальная, в педагогическом обществе; в непосредственных отношениях с педагогами, лично или письменно, – она не поглощала еще всей его энергии. В нем не умерла еще жилка ученого, и он любил посещать университетские диспуты. Его живо интересовали философия, история, естествоведение, особенно же успехи в области анатомии, гистологии и физиологии человека. Но в нем продолжал жить также интерес к юридическим наукам и тем более к политической экономии. Не далее как в 1867 году он поместил в “Голосе” прекрасную статью “О голоде в России”, в которой чувствуется недюжинный экономист, глубоко понимавший в ту пору интересы народной жизни и корни экономического благосостояния государства.

Высоко ценя науку, Ушинский, присутствуя на университетских диспутах, не стеснялся говорить горькую правду и называть вещи своими именами, если ему казалось, что добивающийся ученой степени не имеет соответствующего этому научного ценза. Тут у него иногда происходили довольно горячие стычки с патентованными учеными, причем некоторые из них очень косо смотрели на вторжение Ушинского в ученую область,

хотя диспуты – публичный ученый турнир, на котором каждый имел право слова. Вот каким образом на одном из диспутов у него вышло весьма неприятное столкновение.

Профессор Владиславлев (бывший несколько лет тому назад ректором С.-Петербургского университета, ныне умерший) защищал свою диссертацию о философии Плотина. Ушинский, присутствовавший на диспуте, также желал высказать свои замечания. Ему пришлось говорить вторым после официальных оппонентов, т. е. последним. Когда он встал и направился к тому месту, где заседал совет историко-филологического факультета, намереваясь говорить, навстречу ему поспешил председатель совета, т. е. декан факультета, г-н Срезневский. Показывая свои карманные часы, декан резко добавил, что не может позволить говорить ему более пяти минут. Это поразило присутствовавших, и они зашикали. Ушинский же, поклонившись декану, ответил: “Это – самая лучшая защита для докторанта”, – и вышел из аудитории. Вслед за ним направилась и почти вся присутствовавшая публика, выражая ему горячее сочувствие. Профессор О. Ф. Миллер тут же заявил протест против поведения декана, но это не помешало благополучному окончанию докторского диспута.

Это столкновение вызвало целую бурю негодования в печати против самоуправства декана. Ушинский же напечатал свои замечания на диссертацию Владиславлева в “С.-Петербургских ведомостях” Корша, – и это была поистине пророческая оценка Владиславлева как ученого.

Для характеристики разносторонности занятий Ушинского в эту пору надо добавить еще, что он постоянно следил за ходом занятий своих детей и руководил их учением. Третий, например, год “Родного слова”, от первого урока до последнего, был проштудирован А. Фролковым с двумя младшими сыновьями Ушинского под непосредственным его руководством. “Сам же он, – как говорит Фролков, – не мог давать уроков, и особенно своим детям. Малейшее затруднение учащихся, малейшая ошибка с их стороны сильно раздражали его, и он уходил, не окончив урока”.

Ушинский как натура цельная, не допускавший разлада между словом и делом, ставя семью одним из главнейших факторов воспитания, сам был идеально хорошим семьянином, горячо любимым всеми членами семьи, от мала до велика. Те немногие часы досуга, которые ему удавалось проводить в кругу семьи, он называл самыми приятными в его жизни.

Положение ушинского в это время можно бы назвать завидным. Не занимая никакого официального поста, он был

видим и слышим на всю Россию, – для всех лиц, сколько-нибудь интересующихся педагогическими вопросами. Материальное положение его было в цветущем состоянии благодаря необычайному спросу на все его печатные труды. Ни от кого не зависимый, совершенно самостоятельный в выборе занятий и в распоряжении своим временем, он мог бы назвать себя даже счастливым; но, к сожалению, для этого ему недоставало самого главного – здоровья.

Вся жизнь его была исполнена разумной борьбы; вся его деятельность была употреблена на прокладывание самостоятельных путей. Такая трудная работа даром не дается, – и за успех пришлось заплатить здоровьем. Охваченный лихорадочною жаждою деятельности, он сделал большую ошибку, засидевшись в Петербурге с 1867 до весны 1870 года, так как надорванная грудь его не выносила сырых петербургских осени и весны. Весною 1870 года он чувствовал себя так плохо, что вынужден был наконец отправиться за границу, намереваясь проехать прямо в Италию. Но в Вене он окончательно расхворался и пролежал около двух недель. Местные медицинские знаменитости посоветовали ему возвратиться в Россию, ехать прямо в Крым и лечиться кумысом.

Так он и сделал, поселившись недалеко от Бахчисарая, в имении г-на Варле, где было кумысолечебное заведение. В течение месяца силы его настолько восстановились, что он задумал подробно ознакомиться с Крымом. С этой целью он поехал на южный берег Крыма и в Симферополь. Сюда он случайно прибыл в самый разгар съезда народных учителей и был принят симферопольским обществом с таким почетом, который превосходил самые смелые его ожидания. Учение в народных училищах было уже окончено, и Ушинский, по предложению местного директора народных училищ, г-на Соича, поехал вместе с ним в Бахчисарай, чтобы познакомиться с татарскою школою (медресе), главным образом – с новым отделением ее – для обучения учеников медресе русскому языку. Здесь ему впервые пришлось видеть на деле практическое применение в школе своего “Родного слова”, и притом вполне удачное. Взрослые ученики-татары, в возрасте 20–35 лет, с удовольствием заявляли Ушинскому, что русское чтение и письмо дается им несравненно легче татарского; что в библиотеке каждого из них обязательно есть “первый год” “Родного слова”, наряду с Кораном и семью толкованиями его на арабском языке.

По возвращении из Бахчисарая, Ушинский неоднократно посещал учительский съезд, принимая деятельное участие в его прениях. Тут он проявил свое обаяние как педагог-руководитель,

умеющий передать в немногом многое, умно, авторитетно и доказательно поправить и направить других, – и положительно очаровал присутствовавших на съезде.

Когда стало известно о дне отъезда Ушинского из Симферополя, не только участвовавшие в съезде, но и некоторые из горожан, поклонников и почитателей его педагогического таланта и трудов, явились к нему в гостиницу, чтобы проститься и проводить его. Растроганный таким вниманием, Ушинский вместе с тем в простой, душевной прощальной беседе с собравшимися еще раз убедился, что кабинетные педагогические труды его нашли уже хорошее применение в жизни. Обрадованный этим, он дал горячее обещание присутствовавшим посвятить последующую свою жизнь исключительно на пользу нарождавшегося у нас народного образования и выразил желание переделать свое “Родное слово” специально для народной школы. Многие из народных учителей и некоторые из посторонних провожали его за несколько верст от Симферополя.

Много энергии прибавило Ушинскому это искреннее, бесхитростное, бескорыстное выражение тружениками народного образования уважения и благодарности за его педагогические труды. В горячей душе его загорелись планы новых педагогических трудов. Вот что, например, писал он около этого времени одному из близких друзей своих в Петербурге: “Написать книгу для народной школы составляет уже давно мою любимую мечту; но, кажется, ей и суждено остаться мечтою. Прежде мне необходимо кончить “Антропологию”, и потом только я сколько-нибудь применю “Родное слово” к потребностям сельской школы. Кроме того, у меня на душе еще первоначальная география как окончание “Родного слова”. Вот сколько дела, а где силы? И всего досаднее, что в голове все это давно готово, так что три-четыре месяца прежнего здоровья, – и я бы, кажется, все кончил”. Судьба послала ему даже и некоторое улучшение здоровья. Проехав из Симферополя в Ялту и прожив здесь несколько недель, он почувствовал значительное восстановление сил. Встретившись в Ялте с Н. И. Костомаровым, он принялся горячо убеждать его взять на себя исполнение той части “третьего года” “Родного слова”, которая посвящена истории, т. е. иначе – написать отечественную историю для детей. По мнению ушинского, этот труд наиболее подходил Костомарову как великому мастеру популяризировать исторические события. Доводы были настолько убедительны, что Костомаров дал свое согласие в принципе. Это очень обрадовало Ушинского, так как он верил теперь в осуществление своего “Родного слова” в той программе, как оно было задумано и изложено во II части его “Руководства к

преподаванию по “Родному слову”.

Полный самых лучших надежд, бодрый духом и телом, покидал он Крым в конце июля 1870 года, в расчете на скорый возврат туда со всем своим семейством. Прекрасное влияние Крыма на состояние здоровья заставило его приторговать небольшое поместье по соседству с Ялтой, для постоянного житья.

С такими расчетами и планами торопился он к семье, ожидавшей его в имении Богданка Черниговской губернии Новгород-Северского уезда. Было и особое обстоятельство, торопившее его возврат к семье. Старший сын его, Павел, только что окончив курс во второй С.-Петербургской военной гимназии, был назначен к поступлению в одно из высших военных учебных заведений и проводил лето с семьею, в деревне. Юноша был прекрасно развит физически, умственно и нравственно, блестяще учился и вообще подавал большие надежды. Отец очень любил его, видел в нем опору семьи, в случае своей смерти, – и это значительно ободряло его. Но он приехал в свою Богданку как раз в день похорон сына, по нечаянности смертельно ранившего себя на охоте...

Это был слишком уж жестокий удар, окончательно подломивший физические и душевные силы только что вернувшегося домой отца. Оставаясь спокойным по наружности, Ушинский весь ушел в себя, избегая даже разговоров со знакомыми. Чувствуя, что силы покидают его, он очень сокрушался об участи малолетних своих детей.

Осенью того же года он перевез семью в Киев, где поместил двух своих дочерей в институт. Но жизнь в Киеве страшно тяготила его. “Хорошо ли мне в Киеве? – писал он в ответ на письмо одного из петербургских своих друзей. – Увы, не хорошо. Душит глушью – и ничего близкого сердцу; но думаю, что для семьи моей будет лучше, чем где-нибудь. Обо мне же думать нечего – моя песня, кажется, окончательно уже спета”.

Доктора в это время усиленно торопили его в Крым, куда он и стал собираться, но на этот раз крайне неохотно. В это время до него дошел слух, что симферопольская учебная администрация получила строгое замечание и внушение за тот почет, который был оказан ему, главным же образом – за допущение его к участию в съезде учителей. Это было последнею каплею горечи, переполнившей его душу и отравившей те воспоминания и надежды, которые у него связаны были с Крымом. Он рвался в Петербург, в круг близких друзей, которые могли бы его поддержать, – ему нужно было ощущение жизни.

“Худ ли, хорош ли Петербург, – писал он в это время одному

из наиболее близких друзей своих, Я. П. Пугачевскому, – но я с ним сжился сердцем, в нем протекла самая существенная часть моей жизни: много перечувствовано и горя, и радости и много проработано; там я таскался без куска хлеба и там же составил состояние; там напрасно искал места уездного учителя и беседовал с Царями; там был неведом ни одной душе и там приобрел себе имя – надеюсь, честное, – и вот почему слеза навертывается у меня на глаза, когда я вспоминаю Петербург и что, по всей вероятности, мне уже более не видать его”.

К несчастью, предчувствие это сбылось...

ГЛАВА VIII. СМЕРТЬ И ГРОМКАЯ СЛАВА

Кончина Ушинского. – У гроба и могилы его. – Чествование памяти Ушинского повсеместно в России. – Имя Ушинского как имя народное. – Тайна замечательного успеха Ушинского. – Вина русского общества перед памятью Ушинского. – Предстоящее двадцатипятилетие со дня его смерти

Крайне неохотно отправился Ушинский в Крым с двумя своими младшими сыновьями. В дороге он простудился, и, по прибытии в Одессу, у него открылось воспаление легких. Он немедленно выписал из Киева остальную часть семьи, вполне сознавая, что пришел его конец.

21 декабря 1870 года, часа за четыре до смерти, он почувствовал сильное облегчение и выразил прежде всего желание одеться во все чистое. Находясь прежде в сидячем положении, пожелал лечь в постель и попросил, чтобы как можно ярче осветили комнату. Когда это было исполнено, пожелал выслушать чтение “Ундины” Жуковского. По окончании чтения он позвал к себе всех детей и, по обыкновению, помолился вместе с ними. Отпустив детей, уснул... навеки, тихо, без агонии, в полном сознании.

Так преждевременно оборвалась эта плодотворная, труженическая жизнь, всего на 47-м году от рождения, когда педагогический талант его вполне окреп и окончательно установился, когда душа его была переполнена прекрасными, широкими замыслами о добавлении нового и нового к тому, что было уже сделано им на пользу разумной русской школы, русских педагогов, русских женщин и всех вообще детей разных сословий, классов и состояний.

Такова уж судьба вообще всех даровитых русских людей, что, опережая время, им приходится брать с бою каждый свой успех в жизни. Особенно тяжела и даже рискованна участь таких новаторов, как Ушинский, которым приходится изо дня в день, так сказать, *перегорать* душою, так как на их пути преграды и препятствия являются буквально на каждом шагу. Тут труднее, чем во всякой другой области, идти неуклонно по раз избранной дороге, не потерять любви и веры в дело, не озлобиться, не разочароваться.

Серьезно вникая в обстоятельства и условия педагогической деятельности Ушинского, нельзя не признать, что они мало чем

отличаются, в сущности, от тех условий, при которых работал замечательный предшественник его, Е. О. Гугель, бывший инспектором Гатчинского института, кончивший так печально свою жизнь. И если Ушинский добился успеха, то это стоило ему чуть не половины века, на который он мог рассчитывать по своей замечательно воздержанной, аккуратной жизни.

Это надо бы помнить и знать русским людям, чтобы достойно ценить заслуги своих великих работников.

В Одессе, где умер Ушинский, у него не было буквально ни одной души знакомой; но зато его, если не лично, то по трудам и деятельности, хорошо знал весь одесский педагогический мир, вся мыслящая Одесса. И едва по городу распространилась весть о смерти Ушинского, как около гроба его собралась обширная педагогическая семья. Вдову и детей покойного окружили самыми нежными заботами, совершенно освободив их от всяких хлопот по отпеванию и перевозке тела в Киев, в Выдубицкий монастырь, для погребения. Это внимание разноплеменной, разноязычной Одессы, города, можно сказать, космополитического, очень выразительно охарактеризовано в речи, сказанной в одесском кафедральном соборе профессором богословия, протоиереем М. Павловским, при выносе тела покойного на станцию железной дороги для отправки в Киев.

“Вот тот гроб, перед которым с любовью преклонятся и с благодарностью помолятся многие и многие в России, – говорил о. М. Павловский. – Преклонится и помолится дитя и возрастный, ученик и учитель, мать и ее дети, начинающий изучать великое дело воспитания и глубоко изучивший множество систем воспитания. Вот тот труженик, которого так долго ждали русская школа и семья, который книгами своими облегчил и сделал из горького сладким учение для дитяти и для его учителя; который связал матерей с их детьми крепкими и святыми узами воспитания; который прочитал незабвенные уроки обучения и воспитания всем воспитывающим и пишущим о воспитании. Вот тот дивный знакомец, которого, никогда не выдавши, знаешь, чтить и любить, – знаешь по его книгам, наполнившим училища и семьи, чтить за те разнообразные таланты, которыми так щедро награжден был и из которых ни одного не скрыл он в земле; за те многосторонние и глубокие познания, которые черпал он из себя самого, из своей природы и из образованных стран Европы; любишь за ту всегда живую любовь и за то неустанное терпение, с которыми он одинаково писал и азбуку для детей, и глубокое по взглядам и многостороннее по познаниям сочинение свое о человеке как предмете воспитания; любишь за ту новость взгляда на воспитание, истинность

которого почувствовали все, когда прочли, но которую высказал он первый, – ту новость, что “чем меньше возраст учеников, над образованием которых трудится воспитатель, тем больше требуется от него педагогических знаний”. Любишь его за его “Детский мир”, в котором он так легко и так увлекательно знакомит детей с ними самими и с окружающей природою; за его “Родное слово”, по которому русские дети начали изучать и с любовью изучают родную русскую жизнь во всем богатстве русского языка и во всем разнообразии народных поэтических форм. Вот почему и в нашей разноплеменной и разноязычной Одессе, в которой Провидение указало кончину незабвенному Ушинскому, его гроб окружается такою искреннею любовью и молитвой: цену воспитателю русских детей и воспитателей Одесса чувствует если не более, то ни в каком случае не менее других городов России. С миром и благословением отпускаем тебя в путь твой, доблестный труженик, до конца жизни свято служивший святому делу воспитания”.

Действительно, для разноплеменной и разноязычной Одессы факт очень знаменательный, что отпевание Ушинского в соборе и грандиозные проводы от собора до железнодорожной станции (“Куликово поле”) было делом народных учителей, воспитанников педагогических курсов и учащихся одесских народных школ. Это свидетельствовало о большом самосознании народных педагогов. Как ни прискорбна была преждевременная кончина Ушинского, но чествование памяти его в Одессе ясно доказывало, что труды его успели уже в 1870 году принести большие и осязательные результаты, вызвав значительный подъем духа в среде народных педагогов, осмыслив их задачи и цели, общественное положение и роль в собственных их глазах. Это, впрочем, особенно ярко сказалось в горячей речи учителя одного из одесских народных училищ, г-на Росикова, произнесенной им на станции железной дороги, при расставании с телом Ушинского. Вот что между прочим говорил этот учитель:

“Замолчите все считающие дело начального воспитания делом маловажным, делом, не стоящим серьезного внимания; замолчите и проникнитесь глубоким уважением к делу воспитания, ибо есть люди, полагающие жизнь свою за это дело. Вот гроб человека, который всю жизнь свою принес на пользу своих соотечественников. Вот останки труженика, предпринявшего громадный труд: собрать мнения о воспитании, высказанные великими мыслителями в продолжение многих веков, и из этих разноречивых теорий и философских взглядов выработать последнее слово науки о воспитании духовной и физической природы человека, составить руководство,

необходимое для всех, кто посвятил себя воспитанию русского юношества. Этим трудом он желал положить конец тому жалкому обучению и воспитанию, какому подвергаются дети в школах, руководимых непризванными и неподготовленными педагогами...

Горе наше велико. На долю нашу выпал жребий не приветствовать, но провожать в невозвратный путь всеми нами любимого ученого. Вспомним же, на прощаньи с гробом сим, и сохраним в сердцах наших все то, что говорил и завещал нам почивший в этом гробе. Он говорил: “Неправильное воспитание тяжело отзывается во всей жизни человека, есть главная причина зла в народе, и ответственность за это падает прямо на воспитателей”. Он говорил, что для разумного воспитания недостаточно одного терпения и любви к детям, но необходимо при этом изучить и знать их природу. Воспитание детей он считал великим, святым делом и требовал, чтобы к нему относились серьезно. Он сказал: “Преступник, убийца тот, кто берется за воспитание, не зная его”.

Пусть же, сотоварищи, гроб этот пробудит в нас сознание святости долга, которому мы служим; пусть он напомним нам, что на поприще воспитания мы должны иметь целью благо ближнего. Дадим обещание глубже ознакомиться с мыслями этого благонамеренного и честного труженика. И если каждый из нас сделает хоть сотую долю того, что сделал он, то уже много сделает. Прости же, отец разумной русской школы, друг детей и славный педагог. Вечная память тебе, делавшему дело для дела и трудившемуся для труда! Имя твое будет жить в сердцах наших и в сердцах детей, для блага которых ты не щадил своей жизни”.

Такая же дружная педагогическая семья, искренно проникнутая горем, собралась и в Киеве, для встречи и погребения останков Ушинского. Такою же неподдельною скорбью и задушевностью были проникнуты речи при опускании гроба его в могилу.

Но не Одесса только и Киев чествовали скончавшегося Ушинского: заглянув в столичные и провинциальные газеты за первые месяцы 1871 года, нетрудно убедиться, что в этой скорби принимала участие вся мыслящая часть России. Интеллигентная часть губернских и многих уездных городов, принадлежащая и не принадлежащая к педагогической среде, по собственному почину служила панихиды по Ушинскому. Особенно сильно чувствовали эту утрату учебные заведения, специально занимающиеся подготовкой учителей и очень ясно оттенившие в своих чествованиях памяти Ушинского, что они считают его главным своим учителем и руководителем. Наиболее ярко осветил эту

мысль законоучитель Кубанской учительской семинарии О. И. Стась в речи, сказанной им 8 марта 1871 года, на панихиде по Ушинскому. Напомнив, что религия предписывает “помянуть своих наставников”, законоучитель продолжал:

“Помня этот долг, мы, воспитатели ваши, пригласили вас, будущих учителей народа, помолиться вместе с нами о вечном упокоении души одного из величайших русских педагогов, К. Д. Ушинского, недавно скончавшегося. Вам, начинающим только готовиться к делу народного образования, неизвестно, быть может, это имя, но вы скоро узнаете его по его сочинениям; а эти сочинения такого рода, без которых вы шагу не можете сделать в народной школе, которые переживут и нас, и вас, а быть может, и внуков ваших. Когда вы изучите эти сочинения, познакомитесь с жизнью человека, трудившегося над ними, вы полюбите этого человека от всей души, от всего сердца, и не раз, быть может, поникнете мыслью... не раз призадумаетесь над судьбою русского педагога, русского просвещения, русской мысли; не раз вы увлечетесь мыслию этого человека, его духом”.

Как ни выразительно, в общем, это повсеместное чествование памяти Ушинского, но есть еще и нечто другое, ставящее Ушинского совершенно в исключительное положение в ряду всех других русских деятелей. Едва ли найдется другой русский деятель, смерть которого почувствовалась бы так горячо и глубоко даже в самых глухих провинциальных закоулках, куда только судьба забросила развитого священника, образованного сельского учителя и образованную русскую женщину. Там, в этой дикой житейской глуши, свет и тепло таланта Ушинского особенно сильно чувствовались и наиболее ценились. И в этих провинциальных захолустьях по поводу смерти Ушинского немало уронено горячих слез благодарности и за осушение безвинно лившихся прежде горьких детских слез, и за возвышение роли учителя, и за облагораживание положения женщины...

Те обстоятельства, при которых умер Ушинский, т. е. оставаясь вне всякого официального педагогического положения, свободным, независимым, способствовали еще большему возвышению его нравственной личности, закреплению его учения в сознании общества и упрочению его славы.

Смерть его дала сильный толчок всему изданному им. Даже такой серьезный труд, как двухтомная “Педагогическая антропология”, всего через десять лет после смерти Ушинского, в 1881 году, вышла уже *пятым* изданием. Еще более удивительно распространение его учебных книг. В 1891 году, т. е. через 30 лет после выхода в свет первого издания “Детского мира”, он вышел *двадцать седьмым* изданием, т. е. почти по одному изданию в год.

Успех же “Родного слова” поистине поразителен, даже беспримечен на мировом книжном рынке. В 1892 году, т. е. через 25 лет после выхода в свет первого “Родного слова”, оно вышло *девяносто девятым* изданием, т. е. почти по четыре издания в год.

В общей же сложности сочинения Ушинского разошлись в разных классах и слоях русского населения в миллионах книг, из которых громадное большинство приходится, конечно, на низшие, беднейшие слои населения, и притом исключительно – на школьный контингент.

Иначе говоря, это означает, что на сочинениях Ушинского воспитался уже длинный ряд школьных поколений, и в том числе – целый ряд народных учителей. Поэтому с уверенностью можно сказать, что имя Ушинского есть имя *народное*.

Такому распространению сочинений Ушинского, такой популярности его имени можно только радоваться. Он в свое время заботливо искал “человека, на которого с гордостью можно бы указать нашим детям и внукам, и по безупречной дороге которого можно бы вести смело наши поколения”. Именно сам Ушинский является одним из таких людей, с его чистою, идеально безупречною жизнью и славною деятельностью.

“Пусть наша молодежь смотрит на этот образ, – скажем мы словами Ушинского, – и будущность нашего отечества будет обеспечена”.

Вся педагогическая деятельность Ушинского непрерывно продолжалась лишь около 15 лет (с 1855 по 1870 г.). Из них семь лет приходится на собственно служебную деятельность (с 1855 по 1862 г.) и остальные восемь лет – на литературно-педагогическую деятельность. И в этот-то незначительный промежуток времени он принес такую громадную пользу всему отечественному школьному делу и на вечные времена составил себе почетное имя.

В чем же тайна такого замечательного успеха? Что придавало главным образом влияние Ушинскому?

Пример Ушинского прежде всего доказывает, какое обширное, разностороннее образование необходимо человеку, желающему с честью и славой подвизаться на педагогическом поприще. Да, кроме этого, необходимы еще и высокие нравственные качества, которыми несомненно обладал Ушинский. Это был идеалист самой высокой пробы, фанатик гуманности, научности и справедливости, не обманывавший ни себя, ни других какими бы то ни было компромиссами. Он признавал только то, следовал только тому, что вполне отвечало его идеалам, строго продуманным и сросшимся с его нравственным я. Всё же другое он резко и решительно отвергал,

чего бы это ни стоило ему. Горячо любя отечество, желая ему лучшего будущего и понимая силу воспитания не в формальном, а в нравственном его значении, он сконцентрировал все свои идеалы и стремления в одну всеобъемлющую *педагогическую идею*, которую смело и удачно охватил семью и школу, малолеток и взрослых, учащихся и учащихся, условия и потребности первоначального образования и требования воспитывающего образования вообще.

Вот, между прочим, как писал сам Ушинский об этой его “педагогической идее” и ее значении в жизни. “У нас, – говорит он в частном письме, – прежде всего недостает *педагогической идеи*, из которой, как из здорового корня, могли бы развиваться все педагогические улучшения; а плодотворная педагогическая идея может быть развиваема на прочных основаниях науки только в университетах. Вековой традиции, которая, главным образом, ведет дело на Западе, у нас нет, да и идеи, основанной на общественном сознании, также нет; а потому, без особых университетских кафедр антропологии и даже особых педагогических факультетов с философской подкладкой, решительно невозможно образование у нас, в настоящее время, действительно хороших учительских семинарий, хотя и желательно пока, по крайней мере, учреждение особых школ для дрессировки в педагогической практике, – ремесле, в сущности, нехитром. Этой философско-педагогической идеи наши университеты, как известно, не выработали, и для педагогической литературы ничего не дали до настоящего времени, в средних учебных заведениях наших тоже мало дается материала для пытливой мысли и склонности к самостоятельному занятию науками гуманными, как литература, история и особенно философия”. Понимая всю неблагоприятность условий для педагогических улучшений, Ушинский тем настойчивее и энергичнее прилагал все свои усилия для проведения в жизнь оснований научной педагогики разными путями – в печати, педагогическом обществе и посредством сочинений. И, наперекор неблагоприятным обстоятельствам, идея восторжествовала над веками сложившейся рутинной. Ушинский был настолько счастлив, что еще при жизни видел несомненное торжество впервые насажденной им у нас научной педагогики над тупой, бездушной, механической выучкой и выправкой, не могшей иметь должного воспитательного влияния. Его глубокая, непоколебимая вера в силу и жизненность идеи оправдалась самым блистательным образом.

Если оглянуться на всю нашу литературу, обнимающую круг элементарного образования со времени смерти Ушинского, то во

всех трудах наших лучших педагогических писателей, в составлении учебных пособий и руководств ясно видно сильное влияние научной педагогики, впервые насажденной у нас Ушинским. Несомненно, это значительный успех в нашем школьном деле; но останавливаться на этом, ограничиваться только этим успехом – значит сделать слишком плохое употребление из того драгоценного наследства, которое оставил нам Ушинский.

Те основы научной педагогики, над выработкою которых трудился Ушинский, имеют отношение вовсе не к одному только начальному образованию, а к школьному делу вообще – ко всей государственной системе образования подрастающих поколений обоих полов. Если сам Ушинский, по спешности и новизне дела народного образования у нас, старался применить выработанные им начала рациональной педагогики прежде всего к начальному образованию, то это еще ни в каком случае не доказывает, будто применение научной педагогики должно ограничиться только этим.

Но, к величайшему сожалению, рациональные педагогические основания почти не получили у нас никакого распространения на систему среднего образования, остающегося, можно сказать, в дореформенном состоянии. Родной язык не имеет того почетного, главенствующего значения в деле воспитания и *обучения* нашего юношества, какое принадлежит ему по праву. Это тем более обидно, что идея о значении родного языка, высказанная в Швеции лет на 20 позже, чем у нас Ушинским, получила уже полное практическое применение во всех скандинавских среднеучебных заведениях и начинает вызывать подражание и в других западноевропейских государствах. Состав и объем программ наших среднеучебных заведений, распределение предметов по классам, планы, методы и приемы преподавания, – все это, в отдельности и совокупности, слишком мало рассчитано на возбуждение любознательности и пытливости учащихся, на их самостоятельность. Вследствие этого учение обращается в труд подневольный и лишается того животворного, воспитательного значения, которое оно может и должно иметь, при условии той постановки дела, которая соответствовала бы основаниям и требованиям научной педагогики. Вот поэтому-то главным образом, выпуская в жизнь с каждым годом все большее и большее количество специалистов по разным отраслям знаний, мы по-прежнему ощущаем все тот же недостаток в “людях”, как и в ту пору, когда только что вступил на педагогическое поприще Ушинский, – ощущаем даже в более острой форме, чем тогда, потому что теперь сложнее и

настойчивее потребности жизни.

Это – неизбежная кара за тяжкую вину всей мыслящей части русского общества перед великою памятью Ушинского и его заслугами на пользу всего отечества. С тем богатым, незаменимым наследием, которое он создал ценою собственной жизни на пользу родины, мы поступили, в сущности, как “раб лукавый и ленивый”, зарыв его в землю.

Если сравнить то время, когда умер Ушинский, с нынешним, мы будем поражены необычайным застоєм во всей педагогической области. Ни одной свежей мысли, ни одного живого слова. Если что и подвернется под руку по части общепедагогических вопросов, – так это, в сущности, пересказ того, что было дано Ушинским, в большинстве случаев даже плохой пересказ, с переиначиваниями, на почве узкоучебной техники, а не на физико-психологических основаниях. Самая роль педагогов совершенно стусевалась в глазах общества.

Мы имеем дело с той самой “педагогической летаргией”, на борьбу с которой так мужественно выступил Ушинский во второй половине 50-х годов, не переставая будить и педагогов, и общество до конца своей жизни. Повторение же этой летаргии служит доказательством, что Ушинский был у нас не только первым, но и единственным представителем научной педагогики. Он вдохнул было живую душу в наше рутинное школьное дело и указал ему надежный путь к славному и бесконечному развитию и усовершенствованию на пользу общую. Но не нашлось достойных продолжателей, и дело разносторонних улучшений в учебно-воспитательной области ждет своей очереди.

Симптом весьма опасный. Ушинский говорил и писал, что “каждая школа, каждый педагог неизбежно выполняют одну из двух функций: или они готовят счастье своей стране, или несчастье”. Верная и мудрая формула эта невольно заставляет призадуматься.

Если мы на протяжении почти четверти века уже со времени смерти Ушинского все еще не имеем достойных продолжателей его великой творческой педагогической деятельности, то это служит лишь наглядным доказательством верности высказанного им положения, что “плодотворная педагогическая идея может быть развиваема на прочных основаниях науки только в университетах”. Положение это никем никогда не оспаривалось. В течение первого десятилетия со времени смерти Ушинского об этом положении его довольно часто вспоминали в печати, но потом как бы совсем забыли. Нынешний застой во всей вообще педагогической области сам собою указывает на настоятельную необходимость помощи со стороны университетов

педагогическому делу, – на необходимость учреждения “особых университетских кафедр антропологии” и “особых педагогических факультетов с философской подкладкой”.

Возникновение таких кафедр и факультетов было бы достойной данью уважения памяти Ушинского, ввиду истечения 21 декабря 1895 года ровно четверти века со Дня его кончины. Если при жизни Ушинского так сильно ощущалась необходимость в этих учреждениях, то, конечно же, в течение четвертьвековой давности она могла только возрасти. Действительно, по всем условиям внутренней нашей жизни, вне учреждения университетских кафедр и факультетов по педагогике, невозможно положить предела произволу и ремесленничеству в области воспитания и обучения.

В настоящее время, как известно, мы имеем университетские кафедры даже по сельскому хозяйству и географии. Тем больше, значит, оснований не откладывать учреждения кафедр по педагогике, согласно завету Ушинского.

ИСТОЧНИКИ

1. И. Острогорский, Д. Семенов. Русские педагогические деятели.

2. А. Фролков. К. Д. Ушинский.

3. В. Лядов. Исторический очерк столетней жизни Смольного монастыря.

4. Ю. Рехневский. К. Д. Ушинский. Некролог. (“Вестник Европы”, 1871, № 2).

5. М. Чалый. Материалы для биографии К. Д. Ушинского. (“Народная школа”, 1874, № 4).

notes

Примечания

им подобные (*итал.*).